



**YEARBOOK
OF EASTERN
EUROPEAN STUDIES**

ISSN: 2300-5424

**No. 8
2018/2019**

Yearbook of Eastern European Studies

is an international, interdisciplinary peer-reviewed scholarly journal focused on humanities with emphasis on history, literature, anthropology, political, cultural and other studies related to Eastern Europe. The languages of the journal are: English, Russian, Polish.

Editorial Board

Mark Belkin (Kyiv), Artur Chubur (Bryansk), Rafal Czachor (Wroclaw), Valentina Grebneva (Belgorod), Alla Levonyuk (Brest), Olga Orlova (Tomsk), Nataliya Potanina (Tambov), Tatyana Razuvaeva (Belgorod), Valentina Ryndak (Orenburg), Vladimir Shaydurov (Saint Petersburg), Aleksandr Slinko (Voronezh), Irina Yurtaeva (Kemerovo)

Editor-in-chief

Irina Popadeykina

Guest Editor of the issue

Innesa Babenko

Publisher

Russian-Polish Institute (Instytut Polsko-Rosyjski)
ul. Legnicka 65
54-206 Wroclaw
POLAND
www.ip-r.org
biuro@ip-r.org

ISSN: 2300-5424

This journal is published under a Creative Commons BY license

Cover design

Michal Bartnik

Graphics

Yana Karpenko

ОГЛАВЛЕНИЕ

Полупанов Д. С. Аграрная реформа П. Н. Врангеля	5
Фёдорова Е. С., Полева Е. А. Мотив окна в романе В. Набокова «Машенька»	19
Нестерова Е. А. Методы и цели анализа фантастических произведений: художественная модель мира, картина мира и образ мира	33
Кульгина А. А. Образ смерти в языковой картине мира славян (на материале вербальных ассоциаций)	51
Бабенко И. И., Ким В. С. Опыт филологического анализа образа сильной женщины в прозе Л. Улицкой (на материале рассказов «Чужие дети» и «Подкидыш»)	71
Дин Цзэпэн Традиционное и новое в научном описании китайского этикета	89
Бабенко И. И., Ведрова Т. А. Специфика репрезентации тематической группы «информационно-коммуникационные технологии» в нормативных документах сферы общего образования РФ	97
Черепанова Т. Б., Копытов А. Д. Образовательная палитра современной школы (гуманистический аспект)	109

Полупанов Д. С.

Аграрная реформа П. Н. Врангеля

В статье осуществляется попытка проанализировать аграрную реформу П. Н. Врангеля. Особое внимание уделяется истории реформирования аграрных отношений от столыпинской реформы до аграрной реформы П. Н. Врангеля. Также нами будут рассмотрены особенности аграрных преобразований в политике Временного правительства, Генерального секретариата УНР, гетманского правительства П. П. Скоропадского, Директории УНР, РПА.

В статье обозначено, что реформа П. Н. Врангеля внедрялась в жизнь под руководством Председателя совета министров А. В. Кривошеина, ранее занимавшего в правительстве П. А. Столыпина должность Главноуправляющего землеустройством и земледелием. Земельный закон П. Н. Врангеля был хорошо продуман с точки зрения экономической целесообразности, но большинство крестьян остались недовольны и склонялись к большевистскому и махновскому вариантам земельной реформы. Также правительство П. Н. Врангеля провалило работу по информированию населения об основных положениях реформы. Центральная Рада и Директория были более последовательны в реализации своих аграрных реформ. Они не пытались балансировать между помещиками и крестьянами, как это делали правительства А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

Ключевые слова: аграрная реформа; правительство П. Н. Врангеля; земельный закон; большевики; белогвардейцы; гражданская война 1918-1922 гг.

В настоящее время аграрные отношения в России и Украине в годы гражданской войны (1918–1922) малоизучены. В советский период изучению аграрной реформы П. Н. Врангеля не придавалось должного внимания. П. Н. Врангель и его правительство рассматривались как классовые враги советской власти. Политика правительства П. Н. Врангеля изучалась односторонне, преимущественно на основе источников, хранившихся в партийных архивах. Работы этого периода были чрезмерно политизированы, поскольку основной темой являлась борьба тру-

дящихся против П. Н. Врангеля. Деятельность правительства Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) подвергалась жесткой, часто необоснованной критике. Так, например, Б. М. Вольфсон в работе «Конец авантюры барона Врангеля» считает правление П. Н. Врангеля реакционным и авантюристичным [Вольфсон 1940]. Среди работ, в которых освещается политика ВСЮР, можно выделить работы Н. Е. Какурина, И. С. Короткова. В работе С. А. Пионтковского были опубликованы некоторые документы белых правительств, действовавших на территории Украины и России. В трудах Н. И. Супруненко, М. Ф. Бунегина, И. Б. Берхина, М. А. Свирида деятельность правительства П. Н. Врангеля признана контрреволюционной.

После распада СССР исследователи начинают отходить от марксистской методологии в оценке белогвардейского движения.

В современной украинской историографии идет процесс переосмысления истории белого движения. Ученые изучают белые пятна в истории гражданской войны. В исследованиях С. В. Корновенко, А. Н. Любовец, В. А. Крупиной рассматриваются взаимоотношения представителей белого движения с представителями Украинского национально-освободительного движения, анализируется деятельность П. Н. Врангеля на посту Главнокомандующего ВСЮР и лидеров белого движения вообще.

Значительный вклад в разработку темы сделал российский историк Ж. В. Цветков. В его работах в основном исследуется процесс становления правительств А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, раскрываются подходы к разрешению аграрного вопроса ВСЮР. Силами российских ученых была издана работа «Крым. Врангель. 1920 год», в которой освещены особенности политики ВСЮР в Крыму. Также проблем аграрных преобразований в Крыму касались такие ученые, как С. Карпенко, А. Б. Широкоград, Г. М. Ганчар.

Исходя из вышесказанного, мы видим необходимость в специальном исследовании аграрной реформы П. Н. Врангеля. На наш взгляд, для более глубокой оценки аграрной реформы П. Н. Врангеля необходимо сравнить ее с реформами П. А. Сто-

льщина, большевиков, Генерального секретариата УНР, гетманского правительства П. П. Скоропадского и Директории.

Целью нашей работы является изучение особенностей аграрной реформы П. Н. Врангеля. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: представить краткий обзор историографии земельного закона П. Н. Врангеля; провести анализ эволюции аграрного законодательства в России от правительства П. А. Столыпина к правительству ВСЮР; изучить отношения населения Крыма к земельному закону П. Н. Врангеля.

В данной статье использовались общенаучные принципы системности, историзма и объективности, специально-научные методы: историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический.

При написании данной работы были использованы: архивные документы, хранящиеся в ЦГАГО Украины, ЦГАВОВ Украины, ГААРК; мемуары участников событий: Г. Немировича-Данченко «В Крыму при Врангеле»; П. Н. Врангеля «Воспоминания»; Г. Н. Раковского «Конец белых»; В. В. Шульгина «1920 год»; В. А. Оболенского «Крым при Врангеле»; сборники документов и работы: Я. Шипова «Тихоновская церковь и Врангель»; «П. А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы», Столыпин П. А. «Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906–1911)».

Малоземелье крестьян, большие налоги и углубление социального расслоения в селе, резкое снижение жизненного уровня населения создавало социальное напряжение в Российской империи. Пытаясь решить аграрный вопрос и создать средний слой среди крестьянства, по инициативе премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина началась аграрная реформа. Начало реформы было положено указом Николая II от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» [100 главных документов российской истории]. Этот указ императора Николая II позволял хозяевам, которые имели земельный надел, закрепить его в собственность. Также

в этот период начинается процесс разрушения крестьянской общины [Корелин].

В «Декларации правительства по аграрному вопросу» П. А. Столыпин указал, что необходимо предоставить помощь крестьянству в организации фермерских хозяйств. Правительство брало на себя обязательство «помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами» [Столыпин 1911, с. 38]. Малоземельным крестьянам планировалось предоставить землю из государственного резерва на льготных условиях. Чтобы облегчить крестьянам покупку земли, был создан Крестьянский банк [Столыпин 1911, с. 31, 38; П. А. Столыпин: Программа реформ 2011, с. 371, 378].

В полной мере реализовать реформу не удалось. Ее выполнение тормозилось чиновниками, которые не выделяли достаточных средств. Не хватало землеустроителей. Также, не был должным образом разработан механизм освоения новых земель крестьянами Сибири, Северного Кавказа и Дальнего Востока [Корелин].

После отречения императора Николая II от престола в начале марта 1917 года к власти приходит Временное правительство, не предпринявшее действенных мер для решения земельного вопроса. Наоборот, чиновники отсрочили любые радикальные меры до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Министр земледелия Временного правительства А. И. Шингарев заявил о недопустимости самовольного захвата земли, считая самоуправство крестьян на помещичьих землях расхищением народного богатства [Пасічна 2016, с. 13].

Министр земледелия Временного правительства в мае-июле 1917 г., один из лидеров российской партии социалистов-революционеров, В. М. Чернов предлагал целый ряд законов относительно урегулирования договорных отношений в аграрном секторе. Однако эти предложения так и не были приняты [Пасічна 2016, с. 23].

После захвата власти большевиками, 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 г., II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял «Декрет о земле». Собственность помещиков

на землю отменялась без всякого выкупа, а земля переходила в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Право на землю предлагалось отменить. Окончательный план земельной реформы отсрочили до созыва Всероссийского Учредительного собрания [Декрет о земле]. Эсеровский «Декрет о земле» вскоре был заменен «Законом о социализации земли» от 27 января 1918 года, в котором предлагалась процедура передачи земли в общее пользование [Декреты советской власти, с. 407–419].

Анархисты, во главе которых стоял Н. И. Махно, стремились составить реестр земельных наделов помещиков и разделить помещичью землю между крестьянами поровну, независимо от достатка. Земля признавалась «общенародной мастерской», на которой крестьянин производил для себя продукты питания, и считалась народной собственностью, и не подлежала продаже. Вместе с тем Н. И. Махно учел то, что по ментальности крестьянин привык обрабатывать землю самостоятельно, поэтому он планировал, в отличие от большевиков, сохранить индивидуальную форму обработки земли [Аршинов].

Третьим Универсалом от 20 ноября 1917 года Правительство УНР отменяет право собственности на земли помещичьих и других нетрудовых хозяйств сельскохозяйственного назначения, а также на удельные и церковные земли. Земли признавались собственностью трудового народа и должны были перейти к нему без всякого выкупа. По поручению Центральной Рады Генеральный секретарь земельных дел Б. Н. Мартос был обязан разработать земельный закон до Всеукраинского Учредительного собрания. Временный Земельный закон УНР от 18 января 1918 года отменил право собственности на землю, признав ее собственностью всего украинского народа [ЦГАВОВ Украины, Ф 1115. Оп.1 Спр.4, Арк. 185-187; Спр 4. Арк. 9].

9 января 1918 года УНР опубликовала Четвертый Универсал, в котором было сказано, что право собственности на землю отменяется, и она передается трудовому народу без выкупа [Універсал Української Центральної Ради (IV)].

29 апреля 1918 года, к власти пришел П. П. Скоропадский, который отменил земельный закон УНР и вернул землю ее бывшим владельцам [Пиріг].

После прихода к власти Директории 14 декабря 1918 года возобновилась работа над земельной реформой. 15 декабря 1918 года С. В. Петлюрой был принят закон «О запрещении продажи, залога и аренды земли» [Марущак 2009, с. 20]. Этот закон был продолжением аграрной реформы, начатой Центральной Радой. Однако, Директория закрепила в законе неприкосновенность земель, принадлежавших подданным других стран. Помещики начали принимать подданство других стран и таким образом избегать распределения земли. Также были созданы условия для интенсификации сельского хозяйства, внедрения сельскохозяйственного образования и тому подобное [Марущак 2009, с. 20].

В мае 1919 года на территорию УНР началось наступление войск ВСЮР во главе с генералом А. И. Деникиным. ВСЮР на украинских землях возрождали старое имперское законодательство, отменялись все постановления украинских правительств в земельной сфере. Восстанавливалось помещичье землевладение: земли, самовольно захваченные крестьянами, возвращались прежним владельцам. Именно это сузило социальную базу белогвардейского движения в Украине.

В феврале 1920 года А. И. Деникин разработал проект аграрной реформы, по которому планировалось создание вместо крупных, малых и средних земельных хозяйств. Передачу земли планировалось осуществить путем добровольных соглашений между бывшими землевладельцами и новыми, но допускалось и принудительное отчуждение [ГААРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Спр. 12. Арк. 2].

После отставки А. И. Деникина работу над аграрной реформой продолжил Главнокомандующий ВСЮР П. Н. Врангель. За основу аграрной реформы П. Н. Врангелем был взят проект земельной реформы А. И. Деникина, предлагавшим создание малых и средних хозяйств за счет государственных и частных земельных хозяйств. Передача земли новым владельцам долж-

на была проходить путем добровольного согласия либо в принудительном порядке, но за обязательную плату [ГААРК Ф. Р-2235. Оп. 1 Спр. 12. Арк. 2].

Разработка аграрной реформы сопровождалась дискуссиями между представителями демократических и консервативных сил. Демократические силы требовали признать самовольно захваченные крестьянами, земли собственностью крестьян. Консерваторы, большинство из которых были крупными землевладельцами, пытались защитить собственные земельные наделы от отчуждения и передачи крестьянам.

Работу над реформой возглавил министр земледелия и землеустройства Г. В. Глинка. Последний по просьбе П. Н. Врангеля поручил Председателю Земской управы Таврической губернии при правительстве С. С. Крыма и при Главнокомандующем ВСЮР А. И. Деникине В. А. Оболенскому создать комиссию по разработке земельной реформы. Для создания комиссии В. А. Оболенскому не хватало специалистов-аграрников, которые бы смогли предоставить правительству профессиональную поддержку. Об этом он упоминает в своих мемуарах: «Я был поставлен в весьма затруднительное положение. Патентованных специалистов «аграрников» в Крыму совсем не было, а созвать вообще «общественных деятелей» для такой предварительной коммиссионной работы не было смысла. Кроме того, я знал наверняка, что некоторые из них и не захотят принять участие в комиссии без разрешения партийных комитетов» [Революция и гражданская война 1991, с. 367].

В марте 1920 года в Ялте начала работу земельная комиссия. В состав земельной комиссии вошли: генерал Левашов – противник аграрной реформы, крупный землевладелец, занимал должность председателя союза землевладельцев на Юге России; П. П. Зубовский – бывший сотрудник Министерства земледелия России; Шлейфер – бывший уполномоченный по землеустройству в Таврической губернии; экономист К. О. Зайцев; граф П. Н. Апраксин – противник аграрной реформы, крымский землевладелец и сторонник сохранения крупного землевладения; В. С. Налбандов – бывший министр крымско-

го краевого правительства М. А. Сулькевича. Члены земельной комиссии так и не смогли прийти к единому мнению относительно ключевых положений реформы. Большая часть участников комиссии не желала принудительного отчуждения земли от крупных хозяйств и предлагали лишь ограничиться помощью крестьянам при покупке [Революция и гражданская война 1991, с. 368].

Результат работы Ялтинской земельной комиссии не удовлетворил П. Н. Врангеля. Поэтому была создана следующая Симферопольская комиссия, действующая более радикально. Так, например, крупным землевладельцам предлагалось продать свои участки в течение двух или трех лет, после чего наступал момент принудительного отчуждения. Влияние консерваторов не давало возможностей разработать подходящий для П. Н. Врангеля вариант реформы, к тому же, Г. В. Глинка говорил о недопустимости широкой аграрной реформы [Революция и гражданская война 1991, с. 368].

Испытывая большое сопротивление крупных землевладельцев, П. Н. Врангель создает Севастопольскую комиссию. Особенностью этой комиссии было привлечение в ее состав представителей от крестьян. П. Н. Врангель лично работает над документацией. В ходе работы этой комиссии был образован Крестьянский союз. После очередной неудачи П. Н. Врангель обязал дальше работать Г. В. Глинку над реформой, обвинив его в саботаже. Из состава комиссии были исключены представители от землевладельцев, саботировавшие проведение реформы [Революция и гражданская война 1991, с. 368]. Это позволило разработать приемлемый для П. Н. Врангеля вариант реформы. 25 мая 1920 года был обнародован «Приказ о земле», прописавший основные положения аграрной реформы [Врангель 2012, с. 353]. Согласно «Приказа о земле», крестьянин мог закрепить за собой самовольно захваченную землю или получить землю от правительства в установленном законом порядке, но не разрешалась бесплатная передача земли. Крестьянин был обязан платить взносы за землю, составлявшие одну пятую часть от урожая, или выплатить деньгами эквивалент, равный рыноч-

ной стоимости выращенного урожая. Через 25 лет крестьянин становился полноправным хозяином участка. Планировалось, что бывшие обладатели земель будут получать компенсации через земельный банк. Источником для расчетов с бывшими владельцами становились полученные государством средства от реализации предоставленного крестьянами урожая и денежные выплаты за полученную землю. Бывший хозяин не лишался прав на землю, как было при большевиках, за ним сохранялась часть надела. Размер, оставленного в собственности, земельного надела определялся индивидуально в каждом отдельном случае местными земельными учреждениями [Врангель Петр Николаевич].

В «Приказе о земле» было также прописано, что отчуждению не подлежали все наделы, которые были приобретены при содействии Крестьянского банка, участки, выделенные на отруба и хутора, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки, такие как сады, виноградники, земли, принадлежащие сельскохозяйственным и учебным заведениям, участки под промышленными заведениями и тому подобное. Крестьянин, получая землю в пользование, брал на себя обязанность бережно ее использовать [Врангель Петр Николаевич].

Волостное земство также было важным элементом в политической программе правительства П. Н. Врангеля. За счет создания волостных земств П. Н. Врангель пытался ввести систему самоуправления на селе.

Внедрение аграрной реформы было поручено Председателю совета министров А. В. Кривошеину [ГААРК Ф. Р-2235. Оп 1. Спр. 12. Арк. 2]. Правительство П. Н. Врангеля проводило разъяснения «Приказа о земле» среди крестьянства. Для этого была создана организация «Крестьянский Союз России», проводились курсы крестьянского права, задача которых состояла в разъяснении основных положений аграрной реформы в средствах массовой информации и ответах на вопросы крестьян, относительно аграрной реформы [ЦГАГО Украины. Ф 5. Оп 1. Спр. 322. Арк. 6].

Аграрная реформа вызвала недовольство религиозных общин Крыма, потому что под давлением крестьян П. Н. Врангель пытался забрать их землю и включить ее в состав земельного фонда, чтобы в дальнейшем распределить между крестьянскими хозяйствами. Русская православная церковь, опираясь на решения Священного Синода от 31 августа – 3 сентября 1919 года, настаивала на том, что земля может быть перераспределена между крестьянами только с разрешения высшей церковной власти [Шипов 1923, с. 35].

Недовольны аграрной реформой были и татары. Их недовольство было вызвано необходимостью передачи вакуфных земель в общий фонд. Это противоречило традициям татарского народа и ислама, согласно которому земли мечетей не могут быть переданы в частное пользование. В связи с этим правительство П. Н. Врангеля послало в Таврическое Магометанское управления письмо с просьбой определить условия передачи земли трудящимся [Шипов 1923, с. 32].

Реформа П. Н. Врангеля была хорошо продумана с позиции экономической целесообразности, потому что за счет предотвращения возможности получения земли недобросовестным хозяином создавалась возможность для дальнейшего развития мощных крестьянских хозяйств на плодородных почвах Таврии. Это в свою очередь позволяло П. Н. Врангелю одержать победу экономическим путем: «Чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке сделать жизнь возможной, показать остальной России – вот, у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, вводится волостное земство» [Шульгин 1920, с. 212].

Правительство П. Н. Врангеля проводило активную работу по внедрению реформы в Крыму и Северной Таврии. Оно не смогло реализовать реформу, так как осенью 1920 года началось наступление большевиков в Северной Таврии.

Не смотря на то, что земельный закон П. М. Врангеля дал возможность выкупать землю, а силами «Крестьянского Союза России» была организована правовая поддержка, среди крестьянства, особенно малоимущего, более популярным оставал-

ся махновский и большевистский варианты. Махновский был привлекателен тем, что крестьяне могли сохранить индивидуальную форму обработки земли. Большевистский отменял право помещиков на землю, и передавал ее крестьянам без выкупа.

В целом, реформа П. Н. Врангеля была менее радикальной по сравнению с политикой Центральной Рады и Директории, которым не хватило времени для реализации собственных аграрных проектов. Украинская Центральная Рада и Директория были более последовательными во время внедрения аграрной реформы, и в отличие от А. И. Деникина и П. Н. Врангеля не балансировали между крестьянством и помещиками.

Библиография

- Аршинов П., Организационная платформа всеобщего союза анархистов, <http://avtonom.org/old/lib/theory/makhno/platform.html>.
- Берхин И. Б., Вопросы истории гражданской войны 1918–1920 гг. в трудах В. И. Ленина (Причины: Этапы: Источники победы), Москва 1978.
- Бунегин М. Ф., Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.), Симферополь 1927.
- Виртуальная выставка к 1150 летию зарождения российской государственности, <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-35-dekret-zemlya-1918.html>.
- Вольфсон Б., Конец авантюры барона Врангеля, Симферополь 1940.
- Врангель П. Н., Воспоминания, Москва 2012.
- Врангель Петр Николаевич. Записки, <http://gatchina3000.ru/literatura/white-guard-and-gatchina/vrangel-notes-16.htm>.
- ГААРК Ф. Р-1668. Оп. 1 Спр. 7. Арк. 1
- ГААРК Ф. Р-1668. Оп. 1 Спр. 7. Арк. 9
- ГААРК Ф. Р-2235. Оп 1. Спр. 12. Арк. 2.
- Ганчар Г. М., Военная и политическая деятельность П. Н. Врангеля, 1917–1920 гг., Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва 1998.
- 100 главных документов российской истории, <http://doc.histrf.ru/20/imennoy-vysochayshiy-ukaz-o-dopolnenii-nekotorykh-postanovleniy-deystvuyushchego-zakona-kasayushchikh/>
- Декрет про Землю, http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm.
- Декреты советской власти 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г., Москва 1957.
- Какурин Н. Е., Вацетис И. И., Гражданская Война 1918–1921, Санкт-Петербург 2002.

- Карпенко С., Очерки истории белого движения на юге России (1917–1920 гг.), Москва 2003.
- Корелин А. П., Сельское хозяйство России на рубеже XIX – начала XX вв., http://www.stolypin.ru/projects/detail.php?ID=254&phrase_id=926.
- Корновенко С. В., Аграрна політика урядів А. Денікіна та П. Врангеля (1919–1920 рр.), Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук, Черкаси 2010.
- Коротков И. С., Разгром Врангеля, Москва 1955.
- Крупіна В. О., Білий рух в Україні, Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук, Київ 2005.
- Крым. Врангель. 1920 год, Москва 2006.
- Любовець О., Державні моделі військово-диктаторських режимів А. Денікіна та П. Врангеля в Україні, „Історичний журнал” № 6, 2007, с. 127–140.
- Марущак М., Вінницький період, Вінниця 2009.
- Немирович-Данченко Г. В., В Крыму при Врангеле, Берлин 1922.
- О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования, <http://doc.hist.ru/20/imennoy-vysochayshiy-ukaz-o-dopolnenii-nekatorykh-postanovleniy-deystvuyushchego-zakona-kasayushchikh/>.
- П. А. Столыпин: Программа реформ: документы и материалы, Москва 2011.
- Пасічна Ю. Г., Аграрна політика Тимчасового уряду, Дисертація кандидата історичних наук, Черкаси 2016.
- Пиріг Р. Я., Земельна реформа гетьмана Павла Скоропадського Спроби проведення та причини невдачі, <http://history.org.ua/JournALL/journal/2006/3/5.pdf>.
- Пионтовский С. А., Гражданская война в России, Москва 1925.
- Раковский Г., Конец белых, Прага 1921.
- Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев, Москва 1991.
- Свирид М. А., Разгром белополяков и Врангеля (1920), Киев 1978.
- Столыпин П. А., Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906–1911), Санкт-Петербург 1911.
- Супруненко Н. И., Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920), Москва 1966.
- Універсал Української Центральної Ради (IV), <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001300-18>
- ЦГАГО Украины Ф 5. Оп 1. Спр. 322. Арк. 6
- ЦГАГО Украины, Ф.1115. Оп 1. Спр. 1, Арк.185-187
- ЦГАГО Украины, Ф.1115. Оп 1. Спр. 4. Арк. 9
- Шипов Я., Тихоновская церковь и Врангель, Москва 1923.
- Широкопад А. Б., Упущенный шанс Врангеля: Крым, Бизерта, Галлиполи, Москва 2009.
- Шульгин В., 1920 год, София 1922.

Agrarian reform of P. N. Wrangel

The article attempts to analyse the agrarian reform of P. N. Wrangel. Particular attention is paid to the history of reforming of agrarian relations from Stolypin reform to the agrarian reform of P. N. Wrangel. The paper considers the peculiarities of agrarian transformations in the politics of Provisional government, General Secretariat of UPR (Ukrainian People's Republic), the hetman government of P. P. Skoropadskiy, the Directory of UPR, RRA (Revolutionary Rebel Army).

The article points out that the reform of P.N. Wrangel was introduced in life under the guidance of Chairman of the Council of Ministers A. V. Krivoshein, the former Chief Manager of land management and farming in the government of P. A. Stolypin. The land law was thoroughly thought over from the point of view of economic expedience, but the majority of peasants were not satisfied and were prone to bolshevistskiy and makhnovskiy variants of agrarian reforms. The government of P.N. Wrangel also failed its informational work among the population on basic provisions of the reform. The Central Rada and Directory were more consecutive while implementing their agrarian reforms. They did not try to balance between landowners and peasants, as the governments of A. I. Denikin and P. N. Wrangel did.

Key words: agrarian reform; the government of P.N. Wrangel; land law; Bolsheviks; white guards; civil war of 1918-1922.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Полупанов Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры Истории Украины.

Харьковский национальный педагогический университет (Украина, Харьков).

Сфера научных интересов: история белого движения, история Императорского Харьковского университета.

e-mail: dmitrij.polupanow@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Polupanov Dmitry Sergeevich, post-graduate student of History of Ukraine.

Kharkiv National Pedagogical University (Ukraine, Kharkiv).

Sphere of scientific interests: history of the white movement, history of the Imperial Kharkiv University.

Фёдорова Е. С.

Полева Е. А.

Мотив окна в романе В. Набокова «Машенька»

Анализируется мотив окна в первом романе В. Набокова «Машенька», выявляются значимые его варианты (открытые / закрытые окна, цветное, разбитое окно и т.д.). Проведённое исследование позволило сделать выводы о специфике построения художественного пространства романа в целом и дополнить сложившиеся в набоковедении представления о соотношении миров прошлого и настоящего, Родины и чужбины.

Ключевые слова: Владимир Набоков, литература русского зарубежья, мотив окна

Пространственно-временная организация первого романа В. Набокова «Машенька» (1925) становилась предметом рефлексии как критиков, так и исследователей (Н. Андреева, М. Кантора, А. Яновского, Ю. Левина, З. Шаховской, Н. Анастасьева, М. Шульмана, А. Крюковой и др.). Можно говорить о сложившейся традиции осмысления этого уровня поэтики романа. Набоковеды говорят, во-первых, о двух пространственно-временных планах (прошлого и настоящего), организующих композицию романа, во-вторых, о принципе контраста в изображении Родины и чужбины. Например, А. Яновский, вслед за Ю. Левиным [Левин 1997, с. 364–374], отметил: «Пространство “памяти” – открытое, в противовес замкнутому в пансионе “реальному” пространству» [Яновский 1999, с. 86–87]. Д. В. Морозов, в общем, повторяя мнение первых критиков романа, говорит о противопоставлении берлинского настоящего «миру прошлого», то есть досоветской России, «где нет места пошлости, заданности, призрачности»

[Морозов 2007, с. 165]. Как правило, в статьях о романе уделяется внимание локусам берлинского пансиона, железной дороги, кинотеатра.

Мотив окна в «Машеньке» пока предметом самостоятельного анализа не становился. Наш к нему интерес аргументирован значимостью пограничных локусов в романе и частотностью использования образа окна как элемента разных локусов (лифт, комната берлинского пансиона, дом в России, беседка, транспортное средство и т. д.). (Отметим: лексема «окно» в разных формах встречается в тексте около сорока раз).

Прежде, чем приступить к анализу романа, обозначим общекультурную семантику и функциональность в художественном пространстве окна как локуса границы. По определению Ю. М. Лотмана, принципиально важным качеством границы является проницаемость или непроницаемость. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. «Функция любой границы <...> сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее» [Лотман 1996, с. 188].

«Окно» – элемент организации пространства, позволяющий обозначать рубежи дома или иного замкнутого пространства, с одной стороны, отделяющие его от внешнего мира, с другой, – служащее для коммуникации с этим миром. В. Г. Шукин определяет окно как «особо напряженную, чреватую неожиданностями границу дома и недома» [Шукин 2009, с. 80].

В зависимости от положения: закрытое /открытое окно, оно может означать локус закрытой границы, защищающей от внешнего мира или ограничивающей, а может выполнять функцию выхода за границы замкнутого пространства. Архетипически «окно» является переходом и выходом в другой мир (потусторонний, ментальный, природный и т. д.). В. Н. Топоров пишет: «Окно – важный мифопоэтический символ, реализующий такие семантические оппозиции, как внешний/внутренний и видимый/невидимый и формируемое на их основе противопоставление открытости/укрытости, соответственно опасности (риска)/безопасности (надежности)» [Топоров 1984, с. 164–165].

Окно, как отметил С. А. Губанов, а за ним О. С. Болотникова «выступает местом встречи человека с бытием, застывшим на границе между прошлым и будущим. Человек, замерший перед окном, находится в состоянии внутренней сосредоточенности и ожидания перемен» [Губанов 2011, с. 101–105; Болотникова 2016, с. 10]. Обобщая ряд исследований, О. С. Болотникова делает вывод: «...смысловой комплекс “порога” и “контакта”, воплощенный в образах двери и окна, заостряет гносеологическую и экзистенциальную проблематику» [Болотникова 2016, с. 11].

Таким образом, можно выделить характеристики окна, конкретизирующие его семантику: прозрачность/непрозрачность (лёгкость/трудность просматривания через окно); широкий / ограниченный горизонт видения и осмысление того, что происходит за окном; размер и цельность окна (причём, разбитое окно в разных сюжетах может означать как опасность, так и преодоление ограниченности, свободу); цвет и оформление окон; закрытость и открытость.

Проанализируем основные эпизоды упоминания окна в романе «Машенька», особое внимание уделяя вопросу, в какой взаимосвязи – параллельности, соотнесённости, сходства или контраста – находятся образы окна в прошлой (Россия) и настоящей (Германия) жизни центрального персонажа Ганина.

Особое внимание в повествовании уделяется окнам в описании помещений, в которых находится центральный персонаж Лев Ганин, русский эмигрант в Берлине. Оказавшись в тесном пространстве остановившегося лифта, Лев Глебович вынужден разговаривать с незнакомым и неприятным ему человеком – соседом Алфёровым. Из-за навязанного общения, от которого нельзя избавиться, Ганин раздражается, выказывает недовольство и желание выйти из замкнутого пространства или хотя бы открыть оконце. Отношение к запертому оконцу в лифте проявляют разные взгляды Алфёрова и Ганина на одно и то же положение. Хотя Алфёров смотрит на эмигрантскую жизнь без иллюзий, поэтому расценивает ситуацию как символическую («Да вот, в остановке, в неподвижности, в темноте этой. И в ожиданье» [Набоков 2012, с. 10]), он не унывает и усматри-

вает приятное для себя следствие в этом некомфортном происшествии: он ближе познакомился с соседом. Ганин же, поняв, что оконца в лифте не открываются, «не прочь их разбить». Для него остановка лифта и невозможность выбраться или хотя бы открыть окно – знак безысходности, несвободы и гнетущей невозможности движения [Морозов 2007, с. 165].

Закрытые окна и темнота служат в романе и объективированному описанию пространства, и передаче внутреннего состояния персонажа, ощущающего себя застрявшим в Германии. Глядя из окна своей комнаты в берлинском пансионе, *которое в завязке романа неизменно закрыто*, Ганин упирается взглядом в стены домов. Вид из окна серый и скучный, чаще всего затуманенный (метафора неясности будущего). Из окна заметен городской пейзаж, где нет живой природы, а только возводимые людьми *серые* стены, коридоры улиц, сужающиеся в перспективе, образующие тупик, оставляющие мало свободы для перемещения, отдаляющие выход. Дома из окна ганинской комнаты кажутся без крыш («срезанные крыши домов»), то есть без того элемента знания, который связан с верхом, с небом, с возвышенным. Вместе с тем, «окно его выходило на полотно железной дороги, и потому возможность уехать дразнила неотвязно» [Набоков, 2012, с. 20]. Расположение окна в комнате позволяло Ганину воспринимать его как запасной *выход, но пока закрытый*. Лев Глебович хочет перемен, хотя ясного представления о будущем у него нет.

Уже вышесказанное позволяет понять, что образ окна в романе амбивалентен: связан и с ощущением тупика берлинской жизни, и с возможностью вырваться из ‘каменного мешка’, уехать (правда, на «новую чужбину» – альтернатива, в которой обозначена обречённость жить вне Родины).

Описание окна в Берлине составляет сематический фон, на котором даются *первые воспоминания* комнаты и окна в загородном доме в дореволюционной России. В комнате Ганина окна открыты, в них попадает много света, через них видно ясное и чистое небо, красочный пейзаж: «...в глубокое июльское небо, по которому наискось *поднимаются* рыхлые, сияющие

облака» (здесь и далее курсив наш. – Е. Ш., Е. П.) [Набоков 2012, с. 56]. Эта комната позиционируется Ганиным как место рождения мечты, того девичьего образа, который соотносится с идеалом и воплотится, как будет считать Лев Глебович, в Машеньке. Получается, что центральный персонаж либо предчувствовал встречу со своим идеалом, либо придал реальной девушке черты своей мечты.

Детальное восстановление в памяти комнаты в России стирает для Ганина границу между миром настоящего и прошлого, он как бы отрешается от реальности и возвращается в прошлое. Для персонажа миры России и Германии противопоставлены как светлое – серому, открытое – замкнутому, возвышенное – низменному. Однако *на уровне автора, через поэтику пространства* возникает не только контраст, но и сходство. Персонаж вспоминает расположение мебели в интерьере загородного дома и особо останавливается на своём ощущении, что кровать, стоящая напротив окна, как будто в него «метит и вот тронется, поплывет через всю комнату в окно» [Набоков 2012, с. 56]. Кровать – образ, ассоциирующийся со сном, с ночными грёзами, уподобляется кораблю, готовому сняться с якоря. Таким образом, мотив движения связан с локусом окна не только берлинского, но и пригородного усадебного дома.

Получается, что Набоков и сопоставляет, и разводит значения сходных эпизодов из прошлого и берлинского настоящего. В Берлине сам пансион олицетворяет поезд, то есть что-то неустойчивое, временное, и вид из окна комнаты ассоциируется с видом из окна вагона, что наталкивает героя на мысль уехать. Но необходимость движения из Берлина связана не с мечтой, плавным скольжением, лёгкостью, как в России, а с желанием вырваться из удушающих условий бесперспективного существования.

Вспоминая о зарождающейся любви к Машеньке, Ганин не мог детально восстановить первую встречу с ней, так как на реальность накладываются грёзы, и он понимает, что «сотворил её единственный образ задолго до того, как действительно её увидел» [Набоков 2012, с. 77]. И первая мимолётная встреча с ре-

альной Машенькой не обещала перерастить в знакомство: сидя на подоконнике распахнутого окна, мечтая, юный Ганин думал, что больше никогда не встретит «барышню с черным бантом». Герой думал *об идеальной* девушке, глядя на звездное *небо* с подоконника *в уборной*. Через диссонанс бытового места (уборная) и возвышенной фантазии (о любви) автор характеризует своего героя как мечтателя, способного отрешаться от происходящего. А окно (подоконник) оказываются локусом соединения высокого и низкого, быта и мечты.

Второе, что важно подчеркнуть – предположение Льва Глебовича о невозможности встречи, то есть его привлекала мысль владеть недостижимым, поэтому он ставит себе цель приблизиться к незнакомой девушке, которая олицетворяет созданный им женский идеал.

Знакомство Ганина и Машеньки произошло в конце июля в парке, в беседке с *витражными окнами* (разноцветные стекла в некоторых местах были разбиты). То есть дан образ окна, через которое лишь частично просвечивает мир в его реальных красках, остальное же преобразуется в соответствии с цветом стекол. Мир через них представлялся совсем другим, более красочным и интересным. На наш взгляд, образ витражного окна в данном эпизоде символизирует процесс метаморфозы реальности в сознании человека. Центральный герой материальное, бытовое переосмысливает как духовное, возвышенное, идеализирует Машеньку. Её раскосые глаза, раздутые ноздри и картавый голос интерпретируется им как её исключительность, как совпадение с тем возвышенным образом, который ещё до встречи с ней представлял себе Ганин.

Вместе с тем, *исключительные для героев* отношения развиваются по банальной схеме летних «дачных» романов: они начали общаться наедине, нашли укромное место около чужой пустой усадьбы. Но однажды Ганин видит в окне подглядывающего за ними сына сторожа и бросается на нарушителя их уединённости. Происходит это в августе, накануне их расставания из-за отъезда (дачный сезон завершён) в Петербург. Окно в чужой усадьбе выступает незащищённой границей, обеспечивает про-

нищаемость, разрушает интимность встречи. Ганин разбивает окно, бросаясь в драку с сыном сторожа: «Ганин одним бешеным прыжком кинулся к окну, просадил спиной хряснувшее стекло» [Набоков 2012, с. 116]. Поступок выдаёт эмоциональность Ганина, готового защищать свой мир, но разбитое им окно обладает семантикой будущих изменений в жизни героя: по сути, он сам нарушает замкнутость мира отношений с возлюбленной именно накануне расставания. На следующее утро Ганин уезжает в Петербург и по дороге на станцию видит Машеньку с подругами из *окна* кареты, но, посмотреть на неё еще раз мешает и ограниченность обозрения из окна (преграда в виде стены), и нежелание обнаруживать перед спутниками интерес к своей возлюбленной.

Расставание длится несколько месяцев, и следующая встреча произошла только в ноябре. Уже тогда герой подумал, что что-то изменилась – Машенька стала чужая. Встречи зимой были мучительны из-за отсутствия освоенного, своего закрытого, защищённого пространства («всякая любовь требует уединения, прикрытия, приюта, а у них приюта не было» [Набоков 2012, с. 119]).

По сути, Набоков моделирует ситуации проверки любви реальной жизнью, чтобы выяснить, может ли человек сохранить возвышенное чувство, преодолевая трудности и не подпитывая любовь реальным общением. Вскоре все прекратилось: и встречи, и переписка. Ганин успел сойтись и разойтись с другой девушкой, а с Машенькой они встретились только следующим летом. Возвышенная любовь Ганина исчезла еще до того момента, когда Машенька предложила ему себя. Когда возникли преграды для их отношений, тогда и Машенька начала становится другой в восприятии героя. Он представлял её, как мечту, которой девушке было легко соответствовать в антураже беззаботной дачной жизни в самом начале романтических отношений. Желание Машенькой физической близости не радует (хотя он мечтал о сближении), а, наоборот, отталкивает Ганина, так как обнаруживается земная, обычная природа его возлюбленной. Когда она решила ему довериться, это отпугнуло, опошлило в его сознании образ Машеньки. Любовь не прошла проверку реальностью.

Трансформация образа Машеньки в сознании героя происходит параллельно с изменениями истории и образа России. Их расставание обусловлено не только исчерпанностью чувства в Ганине, но и из-за исторических событий – гражданской смуты, затрудняющей даже переписку. «И следующим летом, уже в год революции, он еще раз увиделся с Машенькой» [Набоков 2012, с. 124] *в вагоне на вокзале*. Когда Машенька сошла на первой станции, и поезд поехал дальше, за *окном* виделись *дым и серость*. Так финальные виды России совпадают с видами из окна пансиона в Берлине. Это соответствие фиксирует сам герой, осознавая изнутри воспоминания, что все это повторилось в его судьбе. И образ жизни в поезде, вагоне, который обречён идти только по проложенным путям, без альтернативы, появляется не в Германии, а ещё в России, соединяя, таким образом, послереволюционную Россию и изгнание. Дым горящего торфа на родине будто сливается с дымом в окне берлинского пансиона. Это своего рода переход из одного повествовательного плана в другой. С угасанием отношений с Машенькой окна постепенно приобретают закрытое, не просматриваемое состояние.

Итак, мотив окна в сюжете воспоминания о России и о Машеньке динамичен: начавшись с образа открытых окон собственного дома с видом на ясный летний пейзаж, он завершается закрытыми окнами в пограничных и общественных локусах вокзала, вагона. И в этом он смыкается с образом окна в германском пансионе, где изначально окна постоянно закрыты.

Динамика мотива окна в повествовании о Германии также связана с образом женщины – Людмилы. Ганин не знал, как с ней расстаться, и после «механической любви» он отворачивался *к окну*, ничего ей не отвечал. За окном в этот момент была «белая стена дыма». Этот вид показывает состояние героя. Ганин хотел освободиться, избавиться женщины, которая стала скучна и неинтересна ему: «Тогда ему хотелось заломить руки, так, чтобы сладко и тоскливо хрустнули хрящи, и спокойно сказать ей: “убирайся-ка, матушка, прощай”» [Набоков 2012, с. 23], но не мог этого сделать. Нерешительность характеризует состо-

яние героя в целом (не может отважиться на разрыв, на отъезд и т. д.). Нам важно подчеркнуть, что это состояние Набоков передаёт через пространственные характеристики, семантику пограничных локусов окна и двери, которые олицетворяют выход, перспективы, которыми герой не дерзает воспользоваться, ощущая себя в замкнутом пространстве: «...он шагал вдоль комнаты *от окна к двери и обратно*, до слез позевывал, и она, надевая шляпу, искося в зеркало наблюдала за ним» [Набоков 2012, с. 24].

Отношения длились всего три месяца и интересны они ему были до того момента, пока Людмила не отдалась ему на полу таксомотора, в *окне* которого мелькали огни. Красочность берлинских видов – фон пошлого сближения возлюбленных (можно усмотреть здесь аллюзию на соответствующий эпизод в романе Г. Флобера «Мадам Бовари», маркирующий пошлость поведения героини, мечтавшей о возвышенной любви). Если вначале Людмила «представлялась ему в обольстительном тумане» [Набоков 2012, с. 37], то физическое сближение лишило её образ таинственности, и она сразу стала скучна Ганину. Получается, что в Германии полностью повторился контур взаимоотношения Ганина с женщиной: и Машенька, и Людмила были привлекательны для него, пока были недоступны, пока отсутствие отношений позволяло сохранять созданный в сознании прекрасный образ.

После того, как Ганин увидел фотографию Машеньки, у него вспыхнули воспоминания о прежней любви, и тогда без всякого сомнения он порвал с Людмилой. Ощущение освобождения Набоков маркирует характерной пространственной деталью: когда Лев Глебович выходил от Людмилы, на лестничной площадке *громадная рама окна была распахнута*, он «послушав повесенному дрожавший голос и взглянув на *роспись открытого стекла* – куст кубических роз и павлиний веер, – Ганин почувствовал, что свободен» [Набоков 2012, с. 55]. Образ большого открытого *расписного* окна имплицитно (это не осознаётся героем) связан с пространством России, напоминает витражное окно в беседке, где Ганин встречался с Машенькой. Таким образом, распахнутое окно одновременно означает освобожде-

ние от гнетущей связи с Людмилой и открытие границы в мир прошлого, переход в пространство воспоминания и выход из состояния апатии, в котором он находится.

Погружаясь в воспоминания, Ганин меняет отношение к настоящему. Получив письмо от Людмилы, он даже не стал его читать, а просто разорвал *и выбросил в окно*. Распахивается окно и в комнате Ганина, что символически означает открытие границ, преодоление замкнутости пансиона. Когда Подтягину стало плохо, Ганин широко открыл окно, потом «сел на подоконник и мельком подумал: “Я так сидел совсем недавно, но где?”» [Набоков 2012, с. 106]. Эта сцена говорит о том, что действительность и прошлое переплелись в сознании героя, так как он не недавно сидел, а недавно вспоминал о том, как сидел на подоконнике в России в предчувствии встречи с Прекрасной дамой, воплотившейся в образе Машеньки (кстати, предчувствие Прекрасной дамы и разочарование от оказавшегося слишком земным облика возлюбленной явно отсылают к блоковской поэзии).

В ночь перед отъездом Ганина из пансиона окна открываются несколько раз: сперва Алферов открыл окно, чтобы кинуть в него бутылку, потом «ветерок толкнул раму полуоткрытого окна» [Набоков 2012, с. 171]. Открытые окна соответствуют внутреннему состоянию персонажа – его готовности к движению и грядущим переменам.

Получается, динамика мотива окна в сюжетной линии о берлинской жизни зеркальна его развитию в сюжете воспоминания о России. Если российский этап судьбы героя завершается закрытыми окнами, то берлинский – окнами распахнувшимися, открытыми.

В целом, можно сказать, что локус окна служит указанием на психологическое состояние персонажа, через описание окна и отношение к нему Ганина автор раскрывает внутренний мир героя. Например, после того, как Ганин погружается в воспоминания, меняется вид из окна, точнее его восприятие героем. «Дым» интерпретируется как таинственный туман и не раз повторяется эпитет «нежный»: «...нежен и туманен Берлин, в апреле, под вечер», «нежное отраженье оконной рамы». По-

является описание *неба*, причём оно приобретает красочность: небо днем розовеет, а ночью насыщается синевой. Всё это знаки внутренних изменений персонажа, ещё не осознанно, но интуитивно готового освободиться и от гнетущих условий существования пансиона, и от воспоминаний, так как и то и другое будет осмыслено как уже завершённые этапы жизни, как прошлое, которым жить невозможно.

Воспоминания о романе с Машенькой, вспыхнувшие после увиденной фотографии, исчерпаны; исчезли намерения повторить прошлые чувства с когда-то юной девушкой, ставшей женой пошлейшего Алфёрова. Этот отказ от встречи со своим прошлым означает постижение Ганиным житейской мудрости о том, что невозможно в одну реку войти дважды, о необратимости жизни. Обретение прошлого возможно только в воспоминании, но не в реальности [Каганская 1978, с. 71, Полева 2008, с. 13].

Сцена строящегося дома в финале романа символизирует обретение нового. Один из рабочих, находясь на крыше, «двигался по самому хребту, легко и вольно, как будто собирался улететь» [Набоков 2012, с. 182], так и Ганин, посмотрев «на легкое небо, на сквозную крышу», понимает «с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда», поэтому он собирается «упорхнуть» на другой вокзал. И открытые окна перед выходом из пансиона – авторская метафора открытости будущего для Ганина.

Итак, обобщим: в описаниях интерьеров комнат и локуса окна, как в России, так и в Берлине, обращают на себя внимание повторяющиеся нюансы. Во-первых, повествователь каждый раз описывает положение открытости или закрытости окна. Во-вторых, каждый раз воссоздаётся вид из окна, который созерцает герой. В-третьих, и в России, и в Берлине окно связано с семантикой движения-изменения жизни, но не осуществлённого, а некой потенции, которую может реализовать персонаж. Наконец, окно связано с образами двух женщин – Людмилы в Германии и Машеньки в России.

Исследование мотива окна позволило сделать выводы о специфике построения художественного пространства романа в целом и дополнить сложившиеся в набоковедении представления о соотношении в романе миров России и Германии. Между пространствами Родины и чужбины обнаруживается как различие, так и сходство, что позволяет понять: Набоков акцентирует не столько разницу внешних обстоятельств, сколько неизменную с течением времени сущность героя романа, склонного к переменам и увлекающегося тем, что недоступно обладанию.

Библиография

- Болотникова О. С., *Семантика и функции двери и окна в художественном мире Н.В. Гоголя*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 2016.
- Губанов С. А., *Художественное отражение философских антиномий в творчестве Б. П. Пастернака: поэтическая цельность образа окна в романе «Доктор Живаго»*, „Обсерватория культуры” 2011, № 3, с. 101–105.
- Левин Ю., *Заметки о «Машеньке»*, [в:] В. В. Набоков: *Pro et contra*. Антология, т. 1, Санкт-Петербург 1997, с. 364–374.
- Лотман Ю. И., *Внутри мыслящих миров*, Москва 1996.
- Морозов Д. В., *Художественное пространство-время в романе Набокова «Машенька»*, „Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова” 2007, № 1, с. 165–169.
- Набоков В. В., *Машенька*, Санкт-Петербург 2012.
- Полева Е. А., *Мотив исчезновения в романах В. Набокова конца 1920 – 1930-х годов*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск 2008.
- Топоров В. Н., *К символике окна в мифопоэтической традиции*, [в:] *Балтославянские исследования – 1983*, Москва 1984, с. 164–165.
- Шукин В. Г., *Окно как «жанровый» локус и поэтический образ*, [в:] *Поэтика русской литературы*, Москва 2009.
- Яновский А., *О романе Набокова «Машенька»*, [в:] *Владимир Набоков. Pro et contra: Антология*, Санкт-Петербург 1999, с. 86–87.

The motif of the window in the novel of Vladimir Nabokov “Mary”

The motive of the window is analyzed in ‘Mashenka’, the first novel by Vladimir Nabokov. Significant variants, such as open or closed windows, the stained-glass window, the broken window, are revealed. The study has shown the structural peculiarities of the artistic space of the novel. The study has supplemented the understanding of the balance between the past and the present, the homeland and the foreign land in Nabokov’s work.

Key words: Vladimir Nabokov, literature of the Russian diaspora, the motif of the window.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фёдорова Екатерина Сергеевна, студент.

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск).

Сфера научных интересов: литература русской эмиграции.

e-mail: tamtym8@gmail.com

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы.

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск).

Научные интересы: литература русской эмиграции, современная русская литература, литература для детей и юношества.

e-mail: poleva@tspu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Fedorova Ekaterina Sergeevna, student, Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).

Scientific interests: literature of Russian emigration.

Poleva Elena Aleksandrovna, Cand. Phil. Sci., senior lecturer, chairperson of the Chair of Russian Literature of Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).

Scientific interests: literature of Russian emigration, modern Russian literature, literature for children.

Нестерова Е. А.

Методы и цели анализа фантастических произведений: художественная модель мира, картина мира и образ мира

Статья посвящена обзору существующих в литературоведении терминов, связанных с анализом мира как одного из уровней художественного произведения. Сопоставляется узус, терминологическое наполнение и применение в анализах таких терминов как вторичный мир произведения, предметный мир, картина мира, художественная модель мира, образ мира. Выводится общее концептуальное поле значений данных терминов, обобщается сфера их использования в литературоведении. Задача статьи – проанализировать, как данные термины соотносятся между собой, а также выявить наиболее перспективный метод анализа для произведений, имеющих фантастический характер. Специфика фантастики состоит в особой роли образа мира. Обосновывается, что мир в фантастическом произведении является не только формой сообщения (языком), как его принято толковать в классическом литературоведении, но и сообщением (смыслом, содержанием) произведения.

Ключевые слова: методология, фантастическое (Fantastika), модель мира, картина мира, предметный мир, вторичный мир произведения, миромоделирование, предметы и вещи.

Фантастика в широком смысле, то есть и научно-фантастическое, и мифологически-фэнтезийное направление литературы, занимают ведущую роль на литературной сцене рубежа XX–XXI веков. Также и кинематограф, частично перенявший на себя функции литературы (обучающую и развлекающую), в значительной мере состоит именно из фантастических произведений. Таким образом, можно говорить о том, что фантастика отражает

существенный пласт размышлений, общих для всего человечества. Однако на сегодняшний день нет сложившейся методологической базы, которая позволяла бы анализировать и теоретизировать весьма разнородный материал, объединяемый именем *Fantastika* [Clute].

Отчасти это вызвано относительной новизной самого явления – наиболее ранние формы фантастики как самостоятельного явления могут быть отнесены к первой трети XIX века. С другой стороны, популярность как научной фантастики, так и фэнтези сыграла не в их пользу: поскольку произведения этих форм были отнесены к массовой литературе, серьезные академические исследования практически не проводились. На сегодняшний день существует достаточно большое число исследований, посвященных отдельным писателям и произведениям, получившим статус «канонических». Это, например, творчество Дж. Р. Р. Толкиена и особенно «Властелин Колец», серия романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг, цикл «Тёмная Башня» Стивена Кинга, произведения У. ЛеГуин. Тем не менее, в большинстве случаев фантастические произведения анализируются с применением классических литературоведческих методов. Американская литературоведческая школа отличается активным анализом таких тем, как гендерность, «молчащие голоса», права миноритарных групп. Однако, несмотря на новую формулировку тем анализа, общим местом для всех этих исследований является то, что содержание произведения рассматривается как иносказание, аллегория. Так, во «Властелине Колец» зачастую видят трансформацию и переработку личного опыта Дж. Р. Р. Толкиена и переосмысление опыта двух мировых войн, даже несмотря на то, что автор на первой странице произведения выразил прямо противоположную позицию: книга не является аллегорией или тропом.

Фантастика, вероятно, представляет собой новый этап развития литературы (если XX век – «век романа», в течение которого все прочие жанровые формы испытывают существенное влияние с его стороны, то XXI век, очевидно, можно назвать «веком фантастического», так как черты этого явления проникают во все другие формы, жанры и роды литературы и кине-

матографа). Следует предположить, что классические методы анализа могут не давать существенного результата или и вовсе быть неприемлемыми для анализа фантастики, поскольку отталкиваются от некорректной для данной формы искусств предпосылки.

Первой – и весьма важной – проблемой в анализе фантастики, как это ни парадоксально, является определение того, что же такое фантастика. Причем эта проблема касается как ее форм (фэнтези, научной фантастики, утопии и антиутопии...), так и понятия в целом.

Существуют различные подходы к определению этого феномена. Первый из них состоит во включении в «фантастическое» всего спектра литературных явлений, включающих в себя фантастический элемент. Даже если суметь отделить литературные формы и произведения, ориентированные на правдоподобное воспроизведение принципов первичной реальности (с формально-логической точки зрения, вся художественная литература – это вымысел, а значит, может быть отнесена к фантастике), при таком подходе фантастика окажется самым обширным и самым древним явлением в литературе. Литература берет начало в протоформе мифа, который для современного мышления является описанием фантастических событий (что, впрочем, не было таковым для носителей мифологии). Такого обобщающего подхода придерживается, например, Е. Н. Ковтун [Ковтун].

Противоположный подход состоит в попытке выявить специфические художественные приемы, темы или проблематику, общую для произведений, относимых к фантастическим. Исследователи, придерживающиеся этого подхода, разделяют «фантастику по форме», то есть произведения, использующие фантастические элементы с целью иносказания (к примеру, произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Дракон» Е. Шварц), и «фантастику по содержанию», то есть произведения, не имеющие прямого референта в первичной реальности, произведения, авторским замыслом которых не являлась измененная репрезентация чего-то в нашем мире. Однако весьма малое количество произведений является настолько «дистиллированным», «чистым» вымыслом.

Такие «нереферентные» на первый взгляд произведения, как «Алиса в стране чудес» Л. Кэррола или «Бесконечная история» М. Энде вполне могут быть интерпретированы как изображение событий внутреннего плана личности, развивающихся в психике.

Однако, возможно, для выявления единой основы в таких разных направлениях, как научная фантастика, антиутопия, героическое, эпическое и юмористическое фэнтези, стоит посмотреть на данные формы не с чисто литературоведческой, а с антропологической, психологической и культурологической точки зрения.

Единственным общим элементом у этих различных феноменов является формальная ирреальность, несоответствие общепринятым способам понимания и описания действительности. При этом нарушаться эти нормы реалистичности в разных направлениях могут в различной мере. Уже давно стала общим местом шутка о том, что две из трех знаменитых антиутопий XX века на сегодняшний день необходимо относить к реализму. Этот факт указывает на первую значимую черту фантастических произведений, отсылая к самому их названию. Одна из важнейших характеристик фантастического произведения – его провиденциальность (пророческий характер). «Произведение способно сообщить особое, специфическое знание, характерное только для него. Искусство предвосхищает пути и способы накопления будущего опыта и развития, выстраивая с помощью художественного произведения еще небывалые, неапробированные мировоззренческие и поведенческие модели, и дает ответы на заново поставленные, вновь возникающие вопросы» [Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник, с. 22]. Это не означает, что предвидение является задачей или целью произведения, что автор, создающий фантастическое произведение, пытается предсказать развитие событий в будущем (частично это можно отнести только к антиутопиям). Смысл в другом. Большая часть литературы – это переосмысление реального опыта, того, что уже случилось – с автором, его страной, миром в его время. Литература XX века посвятила огромные силы и лучшие умы переоценке челове-

ских возможностей, того, что успело случиться за век. Однако литература фантастическая в основном действительно мало связана с первичной реальностью, в которой находится создающий ее автор. Это литература потенциального, исследующая дальние, отстоящие от писателя и его времени возможности. Это просчитывание не столько вариантов развития событий, сколько вариантов и границ человеческого мышления, фантазии, воображения. Как пишет Е. Фарыно, «любое произведение любого искусства, любой эпохи предполагает именно такого реципиента: оно стремится к тому, чтобы реципиент забыл об условности и сочиненности данного мира, вовлекся вовнутрь и усвоил обязующие в этом мире закономерности. Так искусство обучает общество разным возможным мирам и так общество в состоянии приобрести некий опыт, которого оно уже (или еще) не может испытать в непосредственной действительности» [Фарыно, с. 74]. Однако именно фантастическая литература говорит об опыте, которые недоступен в первичной реальности в принципе и может быть дан только в умопостигаемом. Именно поэтому **фантастика** есть то, что «являет, показывает, приоткрывает» – от греческого корня *rhaino*-: «сиять», также «приносить на свет, делать видимым, раскрывать» [Mounce]¹.

Второй заметной чертой фантастических произведений является особая роль мира. Поскольку вся фантастическая литература построена на отхождении от конвенциональной, привычной системы мироустройства, образ мира неизбежно оказывается акцентуализирован, проявлен. Во многих произведениях он выведен в центр повествования («Солярис» С. Лема, Фантазия в «Бесконечной истории» М. Энде). Мир и есть основная тема, вокруг которой строится проблематика фантастического произведения. Но это мир не реальный, пусть и переосмысленный. Это поиски мира возможного, пусть и недоступного нам в непосредственном опыте.

В таком случае, именно образ мира как познаваемого и конструируемого ключевого объекта является наиболее ценным ис-

¹ Перевод на русский язык мой – Е. Н.

точником информации для анализа фантастического произведения. Имманентным смыслом произведения выступает именно модель мира, в нем представленная. При этом классическое литературоведение исходит из того, что «не будучи собственно содержанием (идеей, концепцией) произведения, его мир в то же время – ведущая сторона художественного изображения, порождающая его целостность» [Введение в литературоведение 2004, с. 177]. Также и Е. Фарыно, хотя он сам является исследователем фантастического, считает мир произведения специфическим кодом, создаваемым для передачи сообщения (а не самим сообщением, то есть смыслом, содержанием произведения). «Никакое искусство не скрывает, однако, своей условности, своей сочиненности. Наоборот, оно в ней глубоко заинтересовано. Откровенная сочиненность искусства – не что иное, как отказ от референтной функции, который переводит произведение из ранга сообщения в ранг источника информации, а мир или отдельные его явления – из ранга предмета в ранг знака, носителя значения. <...> Из объекта мир превращается в «язык». Разрыв с референтной функцией лишает художественное изображение статуса знака» [Фарыно, с. 74]. Несомненно, фантастическое произведение сохраняет этот разрыв, более того, он возникает естественно и неразрывно с появлением фантастического элемента. Однако то, что мир выступает в роли языка, передающего сообщение, для фантастики не отменяет того, что сам мир является также и этим сообщением. Это одно из тех расхождений в предпосылках, которое может привести к существенному искажению или неверным выводам, некорректному пониманию фантастического произведения.

В литературоведении существует сразу несколько понятий, связанных с картиной мира. Это и «(вторичный) мир произведения», и «предметный мир», и «картина мира». Наконец, примерно в 2000-х годах исследователи начинают активно использовать термин «художественная модель мира» (до этого он встречался эпизодически, чаще как «модель мира»). Каждый из этих терминов предполагает исследование определенного ракурса целостности произведения.

Под «миром произведения» понимают, с одной стороны, изображение в произведении предметности, в том числе передачу психики человека, то есть «содержание произведения», с другой стороны, художественные средства создания этого содержания – композицию, конфликт и так далее. Таким образом, в этот термин включается как изображаемое (мир, герои, их мысли и поступки), так и средства изображения, такие как портрет, мотив, пейзаж, деталь [Введение в литературоведение 2004]. Такая раздвоенность зачастую вносит путаницу и сумбур как в конкретный анализ, так и в понимание самого термина.

Наконец, В. Е. Хализев отмечает, что «мир произведения – это художественно освоенная и преображенная реальность» [Хализев, с. 195].

Формально, термин «предметный мир» как раз сужает смысл первого термина до собственно изображенной в произведении предметности.

Термин «картина мира» имеет несколько иную семантику. Наиболее часто в литературоведческих исследованиях речь идет о «национальной» или «авторской» картине мира. При этом термин не является сугубо литературоведческим, что видно и по его смыслу. Имеется в виду конкретный комплекс представлений об устройстве мира, связанный с культурой, средой и временем. При этом картина мира – феномен, остающийся за рамками самого произведения, это предпосылка, фундамент возникновения в тексте тех или иных образов, мотивов, тем. Картина мира писателя лишь косвенно реализуется в тексте произведения. Анализируя текст, мы имеем доступ к части авторской картины мира, «оригинальному и неповторимому видению вещей и духовных феноменов, запечатленному словесно» [Чудаков, с. 3]. Картина мира – это существующее в сознании и психике писателя представление об устройстве мироздания. Это комплексное когнитивное видение мироустройства обусловлено эпохой, философскими предпочтениями человека, уровнем образования, степенью религиозности/научности и другими социальными факторами. В произведении же представлено некое воплощение этого комплекса идей, но не сама картина мира писателя. В не-

скольких произведениях автор может воплощать различные аспекты своего мировидения (писатели XX-го века часто сочетают в своем творчестве научный взгляд на мир, который реализуется ими в произведениях научно-фантастических, «космических операх» и т.д., с мифологическим, который находит воплощение в произведениях фэнтези, например, Р. Брэдли, У. Лёгуин и другие писатели). «Если в XIX веке картина мира трактовалась как философско-мировоззренческое построение, то для XX века, особенно для его второй половины, это научно-философская система представлений об общих свойствах и закономерностях мира (природы, социальной среды)» – пишет культуролог Т.Ф. Кузнецова [Кузнецова]. Соответственно, говоря о «национальной картине мира», исследователи подразумевают общие для определенной нации представления о мире и его законах, зафиксированные в языке, поговорках, обычаях и так далее, и представленные в произведении конкретного автора как носителя этой же общности идей. При этом исследователи могут и вовсе не использовать термин, говоря о той же самой составляющей произведения. «Цель любой интерпретации – постижение внутренних, скрытых смыслов текста, выражающих на поверхностном (языковом) уровне авторские целеустановки, интенции и хотения, то есть при интерпретации читатель интуитивно стремится к выявлению подтекста. Подтекст составляет параллельный глубинный план содержания и включает в себя концептуальную основу (идеи произведения), авторскую этику, так как за любым текстом стоит автор, языковая личность, стремящаяся в своей речевой деятельности воплотить характерный для ее самосознания идеал, который отражает идеи культуры данного времени и данного народа» [Диброва, с. 93].

Отметим, что этот термин зачастую смешивается с другими и используется некоторыми исследователями синонимически с термином «модель мира»: «художественное пространство представляет собой *модель мира данного автора*, выраженную на языке его пространственных представлений» [Лотман 1988, с. 251]. В другом месте читаем: «художественное произведение, являющееся определенной *картиной мира*, некоторым сообще-

нием на языке искусства, просто не существует вне этого языка» [Лотман 1970, с. 65]. «Контуры мира, воплощенного в пространственных формах в произведении искусства, находятся в зависимости от характера модели, т.е. некоей схемы мира, существующей в сознании автора» [Лотман 1996, с. 239]².

А. Д. Хуторянская в обзорной статье «Картина мира в современной гуманитарной науке» определяет картину мира писателя как «художественное целое, включающее пространственно-временной континуум с определенными героями, образующими ценностное ядро мира и осваивающими данный тип хронотопа в соответствии с художественным заданием автора, и воплощенное («завершенное») в словесной ткани произведения» [Хуторянская, с. 6]. Однако, как нам представляется, такое определение по сути совпадает с содержанием терминов «вторичный/художественный/поэтический мир». В таком случае «картина мира» как термин является избыточным. Тем не менее, мы полагаем его необходимым, так как выделение философски-творческих предпосылок авторского сознания, реализующихся в конкретном содержании вторичного мира произведения, является значимым этапом качественного литературоведческого анализа. Поэтому нам видится логичным сохранить за термином *картина мира* значение содержания авторского мышления, косвенно реализуемого в произведениях в разных аспектах.

Новейшие литературоведческие исследования как зарубежом [Gunn; Parrinder], так и в российской науке [Художественные модели мироздания. Кн. 2-я] сфокусировались на изучении мира как особой категории художественной изобразительности. Современные исследователи предлагают работать с данной категорией в первую очередь, обращаясь к принципу модели.

Е. Фарыно пишет: «Художественное изображение ... это и есть целиком созданный и целиком автономный, руководствующийся своими собственными внутренними законами мир. И в него мы и вовлекаемся искусством. С другой же стороны, этот же разрыв (с референтностью) позволяет превратить этот

² Выделение мое. – Е. Н.

мир в знак, но в знак уже чего-то другого. Иначе говоря, переадресовать его. Это уже знак, так сказать, второй степени. Теперь, после ознакомления с миром и его закономерностями, реципиенту предстоит выйти за его пределы и взглянуть на него извне, не как на мир, а *как на источник информации о мире, как на модель мира*. И тут начинается второй подход к сконструированному в произведении миру. В этом случае речь уже идет не о свойствах изображенного, а о стоящей за ним (кроющейся в нем) **модели или концепции мира**³ [Фарыно, с. 74].

Как мы отмечали выше, фантастика может рассматриваться как прямая наследница мифа. Так, например, фантастика выполняет ту же функцию, что и мифология, моделируя все мироздание в целом, то есть создавая модель универсума. «Моделирование оказывается специфической функцией мифа» [Мелетинский, с. 169]. Задача мифа – антропологическое моделирование мира, его иерархии, системы. Однако «классическое видение мира предполагает понимание бытия как единого, гармоничного и, прежде всего, упорядоченного явления, имеющего незываемые константы. И включающего в себя как органическое начало – человека. Это та цельность бытия и человека, о которой писали А. Потебня и М. Элиаде, размышляя об исторически ранней мифологии, где мир понимается как в совершенстве организованный, разумный и значимый космос» [Модель мира в художественном тексте, с. 4]. Совершенно очевидно, что фантастика, наследуя у мифологии собственно задачу моделирования, моделирует далеко не гармоничный и соразмерный человеку универсум – взять хотя бы мифологию Хаоса, созданную одним из родоначальников тёмного фэнтези, Г. Ф. Лавкрафтом.

Обзор существующих в литературоведении терминов, связанных с понятием «мир», а именно: **вторичный мир, предметный мир, картина мира, модель мира** – выявляет поле значений, являющихся пограничными между формой и содержанием произведения. Близость и взаимосвязь данных категорий заставляют предположить, что все они являются попыткой проникнуть

³ Выделение мое. – Е. Н.

в одну и ту же существенную составляющую произведения. Попробуем вычленить ее, основываясь на терминах и соответствующей им методике анализа и его уровне.

Предметный мир – это описание (и средство анализа) всех существенных элементов, расположенных внутри произведения, описание вторичного мира на уровне произведения.

Вторичный мир – это уровень существенных элементов, описанных в произведении, внутри границ произведения, на уровне их самих: анализ закономерностей и свойств составляющих мира в рамках самого смоделированного мира.

Картина мира (писателя/эпохи/направления) – анализ философии, мировоззрения автора, косвенно заключенного в образах его произведений, отразившихся в его творчестве.

Модель мира – это система взаимоотношений, взаимодействия элементов вторичного мира, описанного в конкретном произведении (или ряде произведений автора), которая воплощает в образах, темах, конфликте, то есть на всех уровнях произведения, представление писателя о мироздании; это творчески переосмысленная и претворенная в художественное содержание картина мира автора.

Отметим, что предметный мир и картина мира автора сближаются в представлении о мире произведения, который есть также законы и ценности [Лихачев, с. 75].

Представляется, что общим элементом значения вышеперечисленных терминов является **образ мира** (мир как образ аналогично принятым терминам «образ персонажа» или «образ предмета»).

Образ (художественный) есть «результат осмысления автором какого-либо явления или процесса свойственными тому или иному виду искусства способами, объективированный в форме произведения как целого или его отдельных фрагментов, частей» [Введение в литературоведение 2004, с. 23].

Образ мира – авторская модель, реализованная в образе вторичного мира конкретного произведения. Это художественная модель мироустройства, соотносимая с внехудожественной картиной мира автора. Ключевое отличие образа мира от кар-

тины мира (помимо самого воплощения в художественном произведении) состоит в том, что картина мира неизбежно заимствована, она является синтезом чужих, существовавших до писателя представлений и суждений о мире – философских, научных, религиозных, политических, экономических и т.д. Творческий же процесс представляет собой кардинальную трансформацию этих до-авторских представлений, их переплавку в единую системную структуру, реализующуюся в произведении. Произведение же является своего рода процессом эксперимента, в ходе которого все «исходные составляющие» претерпевают необратимое, полное изменение своих свойств. Образ мира, явленный в художественном произведении, носит ярко выраженный индивидуальный, авторский характер и является уникальным (хотя он мог быть сформирован на основе весьма типичных, широко бытующих представлений). В этом также состоит существенное различие между образом мира в произведении и авторским замыслом, идеей произведения (до ее реализации в художественном творении).

Тем не менее, фантастическое произведение составляет сложную задачу для анализа образа мира, в нем заключенного.

Во-первых, большинство фантастических произведений обладают весьма внушительными объемами. «Властелин Колец» с его примерно тысячей страниц выглядит весьма компактным произведением на фоне циклов о Гарри Поттере, Тёмной Башне или произведений Дж. Мартина. Даже анализ только предметного мира при таких масштабах потребует работы скорее целой группы ученых. Другую сложность исследования мира как образа создают его многосоставность, дисперсность и всеохватность в произведении.

Однако, как нам удалось установить при анализе произведений фэнтези [Нестерова 2018], эта проблема может быть решена достаточно неожиданным образом. «Исследование системы возможно лишь при установлении начальной структуры системы. В данном случае это вычленение из текста единицы, где содержатся основания смысла, формирующего тему малой, начальной формы текста» [Диброва, с. 93]. Если системой, под-

лежащей анализу, является образ мира, то начальной структурой этой системы является не человек, как это типично для произведений реалистических и шире – классических (например, античные мифы отталкиваются именно от образа человека; постмодернистское произведение может не быть фантастическим, но избрать другую «меру вещей»), а предмет.

Мир произведения фэнтези зачастую выстроен вокруг нескольких (реже – одного) вещного или предметного образа (например, природного объекта). Как показал анализ, этот ключевой образ выступает не только катализатором конфликта или тех или иных качеств главного героя. Этот предметный образ несет в себе информацию, отражающую все сущностные свойства мира, созданного в данном произведении. Иначе говоря, в фэнтези мы имеем дело с принципом соответствия микрокосма макрокосму. Вероятно, именно поэтому в фэнтези настолько подчеркнута роль артефакта – особой вещи, от которой зависят все разворачивающиеся в произведении уровни. Этот артефакт – не примитивный инструмент-помощник фольклорных сказок, а сам мир, подогнанный под масштаб человека.

Учитывая все вышеизложенное, наиболее перспективными методиками анализа фантастического произведения оказываются:

— анализ картины мира автора, его философских мировоззрений – как предварительный этап анализа модели мира конкретного произведения;

— анализ номинативно-предикативной структуры образов вещей, природных объектов, в особых случаях – героев [Нестерова 2013];

— символично-архетипный анализ (культурно-антропологический ракурс).

Мы предполагаем, что данные методики дадут наиболее глубокие результаты, поскольку для анализа предмета как микрокосма необходимо учитывать как символический, мифологический, архетипный, психологический пласт значений образа, так и его положение в структуре произведения. А вычленив как

структурное положение образа в тексте-ткани произведения, так и его смыслы позволяет, в первую очередь, именно лексический анализ. Исследование словесного уровня, непосредственно создающего образ, должно сочетать в себе анализ номинаций и предикатов, относящихся к данному образу, а также учитывать их распределение по субъектам речи.

Литературоведение может рассматривать персонаж как систему всех его номинаций [Исакова]. Мы предлагаем аналогично этому принципу рассматривать мир как систему всех предметных образов. При анализе образа мира мы предлагаем обращаться к пониманию мира как пространства действия и движения, а не как абсолютной целостности всех изображаемых в произведении образов, то есть анализировать предметный мир за вычетом персонажей и сферы их мыслей, поступков. Именно анализ предметного слоя, то есть вещей и природных объектов, позволяет выйти на уровень анализа мира как одной из наиболее значимых структур произведения.

В противовес устоявшимся в литературоведении значениям терминов, связанных с миром, изображаемом в произведении, мы предлагаем видеть в образе мира самостоятельный аспект изобразительности. Анализом этого аспекта будет выступать описание связей образов вещей в системе произведения, то есть структуральный анализ смыслов предметных образов на всех уровнях произведения.

Вещь и природный объект выступают в фантастическом произведении не просто как составной элемент «образа мира». С одной стороны, образ мира – это система номинаций и функций вещей и природных объектов; с другой стороны, образ мира как элемент содержания произведения. И, наконец, особой чертой произведений фэнтези является опора на предметный образ, выступающий аналогом образа мира, микрокосмом, отражающим ценности и законы мироустройства.

Кроме того, обращаясь к анализу фантастического произведения, необходимо помнить, что художественная модель мира, которой является художественное произведение, является не только языком, кодом, передающим сообщение, но и самим сооб-

цением. Для фантастики несопоставимость с внешней первичной действительностью не просто является определяющим фактором. Нерепрезентативность фантастического произведения не ограничивается иносказанием, аллегорией, непривычным образом описывающей что-то, данное в первичной реальности. Фантастика моделирует, создает, «являет» читателю реальности потенциальные, возможные, но не имеющие материального носителя или аналога в знакомом читателю опыте. Это не просто характерная черта фантастики, ее имманентное свойство, но и художественная задача.

Несмотря на несомненную близость сформировавшегося в недавнее время термина «модель мира» и предлагаемого термина «образ мира», между ними есть существенное различие. Как показывает монография, посвященная модели мира в художественном тексте как литературоведческой проблеме [Модель мира в художественном тексте], термин **модель мира** сосредоточен в первую очередь на анализе общих закономерностей произведения и *свойствах текста*, таких как мифологичность, фрагментарность, символизм, поэтичность и других семантических аспектах.

Образ мира, напротив, в первую очередь ориентирован на анализ аспектов внутритекстовых, вычленение элементов вторичного мира, описание его свойств и во вторую очередь, на анализ системных внутритекстовых отношений мира как одного из образов в ряду аспектов художественной изобразительности и уровней произведения. Семантическое же содержание элементов образа мира будет интересовать исследователей, оперирующих термином и методикой анализа образа мира лишь в определенной степени, необходимой для объяснения связей типов образов и элементов мира (предметных и природных объектов) с элементами других уровней произведения.

Библиография

- Clute J., <http://www.sf-encyclopedia.com/entry/fantastika>.
- Gunn J., *The science of science-fiction writing/ Worldview of science fiction*, Lanham, Maryland 2000.
- Mounce B., *Greek dictionary*, <https://www.billmounce.com/greek-dictionary/phaino>.
- Parrinder P. [ed.], *Learning from other worlds: estrangement, cognition, and the politics of scifi and utopia: post-contemporary inventions*, Liverpool 2000.
- Введение в литературоведение*, ред. Л. В. Чернец, Москва 2004.
- Диброва Е. И., *Пространство текста в композитном членении*, [в:] *Структура и семантика художественного текста*, Москва 1999.
- Исакова И. Н., *Литературный персонаж как система номинаций*, Москва 2011.
- Ковтун Е. Н., *Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века)*, Москва 1999.
- Кузнецова Т. Ф., *Картина мира*, «Знание. Понимание. Умение» № 4, 2008, <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/>.
- Лихачев Д. С., *Внутренний мир художественного произведения*, «Вопросы литературы» № 8, 1968, с. 74–87.
- Лотман Ю. М., *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*, Москва 1996.
- Лотман Ю. М., *Структура художественного текста*, Москва 1970.
- Лотман Ю. М., *Художественное пространство в прозе Гоголя*, [в:] *Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь*, Москва 1988.
- Мелетинский Е. М., *Поэтика мифа*, Москва 1976.
- Модель мира в художественном тексте*, Одесса 2009.
- Нестерова Е. А., *Вещь как конструирующий элемент поэтики фэнтези*, «Сибирский филологический форум» № 1, 2018 с. 65–73.
- Нестерова Е. А., *Сближение и взаимодействие предметной и персонажной сфер в образе Единого Кольца у Дж. Р. Р. Толкиена*, [в:] *Литература XX–XXI веков: итоги и перспективы изучения*, Москва 2013, с. 285–289.
- Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник*, Москва 1999.
- Фарыно Е., *Введение в литературоведение*, Санкт-Петербург 2004.
- Хализев В. Е., *Теория литературы*, Москва 2002.
- Художественные модели мироздания. Кн. 2-я. XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира*, Москва 1999.
- Хуторянская А. Д., *Картина мира в современной гуманитарной науке*, [в:] «Гуманитарные науки» № 2, 2012, с. 4–17.
- Чудаков А. П., *Мир Чехова: Возникновение и утверждение*, Москва 1986.

Methods and objectives of analysis of Fantastika works: model of the world, picture of the world and image of the world

The article reviews the terms existing in modern literary theory and studies, that are related to the analysis of the world and its image as one of the levels of literary (or other artistic) work and its creation. The usage of such terms as *secondary world*, *world of objects*, *picture of the world*, *artistic model of the world*, *image of the world* and *artist's worldview*, their terminological content and ways of using the terms for analysing a literary work are compared. A general conceptual field of the meaning of these terms is derived and the scope of their use in literary criticism is summarized. The purpose of the article is to analyze how these terms relate to each other, and also to identify the most promising methods of analysis for Fantastika works. The specificity of Fantastika being the special role of the image of the world is highlighted. It is proved that the world in a fantastic work is not only a form of communication (language), as it is customary to interpret in classical literary criticism, but also a message (meaning, content) of a work.

Key words: methodology, Fantastika, model of the world, view of the world, objective world, secondary world of literary work, world modeling, objects and things.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Евдокия Антоновна,

к.ф.н., преподаватель РАНХиГС (Москва, Россия).

Сфера научных интересов: литература и фильмы фэнтези, теория литературы, фантастическое (Fantastika), Дж. Р. Р. Толкиен, мифы, мифология, психология.

e-mail: evdokianesterova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Evdokia Antonovna,

Ph.D., RANEPa (Moscow, Russia).

Sphere of scientific interests: Fantasy literature and cinematography, literary theory, Fantastika, J.R.R. Tolkien, myth and mythology, psychology.

Кульгина А. А.

Образ смерти в языковой картине мира славян (на материале вербальных ассоциаций)

Данная статья посвящена исследованию образа сознания «Смерть» в языковой картине мира носителей русского, белорусского, украинского и болгарского языков. Основными целями исследования являются составление фрейма и описание его структуры в рамках каждого из исследуемых языков, а также выявление общих элементов образа сознания «Смерть» в славянской культуре.

Ключевые слова: образ сознания; реакция; смерть; фрейм; языковая картина мира.

Несмотря на то, что каждый человек в своей жизни не раз сталкивается со смертью в разных её проявлениях, сама по себе смерть является одним из самых загадочных и малоизученных феноменов. Однако вместе с тем смерть — одно из немногих (если даже не единственное) абстрактное понятие, имеющее не только вполне конкретные признаки, но и даже вполне конкретный образ. Что будет, если попросить кого-нибудь нарисовать или описать счастье, любовь, здоровье или совесть? Выполнить это задание будет для человека весьма затруднительно, поскольку у каждого существует собственное понимание этих явлений, основанное на жизненном опыте. Но со смертью дело обстоит совершенно иначе. Если попросить человека нарисовать или описать смерть, то мы получим набор вполне конкретных признаков, которые можно объединить в единую систему, а кроме того, мы получим вполне конкретный образ.

Как и многие другие аспекты человеческой жизни, представления о смерти поддаются сильному влиянию со стороны культуры: у разных народов свои связанные со смертью приметы, свои погребальные обряды, свои представления о загробной жизни, в разных культурах смерть по-разному предстаёт в книгах и фильмах, на полотнах великих художников и на подмостках лучших театров. Вместе с тем абсолютно всё живое — а порой и неживое — на нашей планете смертно. Смерть — явление столь же древнее, сколь и жизнь, и поэтому мы уверены, что, несмотря на сильное культурное влияние, среди репрезентантов данного образа сознания существует набор базовых элементов, которые существуют в языковой картине мира представителей любой культуры.

В данной статье, которая относится к серии наших исследований по описанию образа сознания «Смерть», нам хотелось бы поговорить о том, какой видят смерть представители славянских культур. Не будем отрицать, что до нас уже была проделана большая работа в этом направлении (см. об этом [Осипова], [Тарасенко], [Тетерина]), однако данное исследование — уникальное по своим масштабам, поскольку никто до нас не проводил сравнительный анализ на настолько обширном ассоциативном материале.

Материалом для нашего исследования послужила соответствующая статья «Славянского ассоциативного словаря» [Уфимцева и др. 2004, с. 220–223] (здесь и далее — САС). Мы считаем, что ассоциации способны наиболее точно отразить то, какие связи на самом деле существуют в нашем сознании между предметами и явлениями действительности, поэтому мы выбрали для нашего исследования именно ассоциативный материал. Основным методом, которым мы пользовались на протяжении всей работы, является методика фреймового анализа ассоциативного поля (здесь и далее — АП).

Для применения методики фреймового анализа было необходимо разработать единые принципы группировки для всех реакций, вошедших в АП «Смерть» в каждом из представленных в САС языков. В результате челночной группировки вы-

бранного языкового материала в составе фрейма исследуемого АП нами были выделены следующие слоты:

1. «Дефиниция»;
2. «Описание»;
3. «Оппозиты»;
4. «Глагольные реакции». Содержит подслоты: (1) «Персонафикация», (2) «Действия, совершаемые человеком»;
5. «Пространство и Время». Содержит подслоты: (1) «Локализация во времени», (2) «Локализация в пространстве»;
6. «Компоненты культуры». Подслот (1) «Культурный прецедент» иллюстрирует влияние массовой культуры на восприятие смерти. Подслот (2) «Ритуализация смерти» кратко описывает ритуал похорон;
7. «Эмоциональный компонент». Подслот (1) «Чувства, эмоции, их проявление» связан непосредственно с эмоциями в чистом их виде. Подслот (2) «Диалогические реакции» отображает восприятие смерти через призму личных переживаний испытуемых, которые проявляются в попытке вступить в диалог с экспериментатором. В подслот (3) «Реакции-синтагмы» вошли те реакции, которые сами по себе или же в сочетании со стимулом представляют собой законченное грамматически правильное предложение;
8. «Причинно-следственный компонент»;
9. «Атрибуты»;
10. «Пациенс».

Порой некоторые из выделенных нами слотов или подслотов оказывались малочисленными или вовсе не были представлены в каком-то из исследуемых нами славянских языков. Однако мы всё равно считаем их выделение оправданным ввиду чёткого систематического обособления реакций, носящих тот или иной признак, в рамках исследуемого АП. Так, например, подслот «Реакции-синтагмы» не представлен в фреймах для белорусского и украинского языков, а в фрейме для русского языка является крайне немногочисленным. В то же время среди ассоциаций на стимул *смерть* носителей болгарского языка доля подобных реакций составляет более 1%, что и позволяет нам говорить в данном случае об отдельном подслоте.

Всего нами было проанализировано 2295 ассоциативных пар, среди которых встретились 947 различных реакций на заданный стимул. Общее число отказов от реагирования составляет 24. В Таблице 1 представлены количественные характеристики каждого из исследуемых языков.

Таблица 1. Количественные характеристики исследуемых языков.

	Русский	Белорусский	Болгарский	Украинский
Общее число реакций	592	643	581	479
Различных реакций	239	266	238	204
Единичных реакций	165	195	177	140
Отказов	11	8	4	1

После того, как мы описали принципы группировки реакций, мы можем перейти непосредственно к описанию образа сознания «Смерть».

Самым актуальным для носителей русского языка оказался слот «Дефиниция». Вошедшие в него реакции (всего 144, из них 53 различных и 33 единичных) составляют почти четверть (24,32%) от общего числа реакций. Среди всевозможных определений преобладает актуализация всего негативного (85 реакций из 144), что русский человек видит в смерти: смерть — это обязательно *горе* 26 и *несчастье* 4 (здесь и далее реакции приводятся в оригинальной орфографии. — А. К.). Смерть знаменует собой *конец* 18 (в том числе, например, *конец жизни* 7, *конец пути* 2, *завершение жизни*). Смерть означает, что *тебя больше нет*, и является *неотъемлемой частью* жизненного цикла, однако некоторые люди воспринимают её как что-то хорошее, как *начало* 3 чего-то нового, как *избавление* 2 и *спасение* 2 от всех тягот земной жизни, как *переход* 3 к чему-то лучшему, за которым неизменно следует *счастье*.

На втором месте по актуальности оказался слот «Компоненты культуры» (17,4%). Интересно здесь то, что между вы-

деленными внутри него подслотами реакции распределились в отношении 2:1 при явном преобладании прецедентных реакций (11,74%) над реакциями, иллюстрирующими ритуализацию смерти (5,66%).

Для русских смерть женского пола: *она* представляется как *старуха 2, женщина* или *тетя*. Её обязательным атрибутом является *коса* (19 упоминаний, включая неоднословные реакции). Смерть ассоциируется с *черным* и *белым* цветами (по 7 упоминаний для каждого цвета), она забирает *душу 4* в *другой мир*, где ей предстоит встреча с *Богом*, после которой *душа* отправится в *ад 5* или *рай 3*. Интересно, что в сознании русских смерть чаще (пусть и ненамного) ассоциируется с *адом* несмотря на то, что в *воскрешении 2* русские всё-таки верят. Мы полагаем, что это может быть связано с тем, что ад видится людям чем-то более реальным. Увы, никто не без греха, и поэтому рай видится чем-то недостижимым, а потому не таким реальным, как ад. Также в данном слоте оказались разнообразные паремии: *бывает лишь одна, все мы там будем* и т. д.

Реакция *розы* входит в оба выделенных подслота (по этой причине внутри каждого из них частотность этой реакции приравнивается к 0,5). С одной стороны, *розы* могут быть цветами, которые скорбящие родственники приносят на могилу умершего. С другой стороны, существует балет под названием «Гибель розы»/“Death of Rose”, и не представляется возможным понять, что именно имел в виду испытуемый.

На третьем месте по актуальности оказался слот «Оппозиты» (16,39%). Этот слот зачастую оказывается одним из самых немногочисленных, однако именно в него входит самая частотная и наиболее очевидная реакция — *жизнь* (89 упоминаний, включая единичную реакцию *и жизнь*).

На четвёртом месте находится слот «Эмоциональный компонент» (12,5%). Смерть воспринимается русскими как явление в высшей степени негативное: она вселяет *страх 14* и *ужас 13*, причиняет *боль 3*. Неудивительно поэтому, что они часто выражают своё отрицательное отношение к смерти (*плохо 12, страшно 3*) или отрицают её (*нет 4, её нет*). Безусловно, смерть

может связываться и с *радостью*, но, поскольку эта реакция является единичной, мы не можем говорить об этой связи как о регулярном явлении.

Пятое место занимает слот «Описание». Большинство реакций в нём единичные, а частотность повторяющихся не превышает 5. Это показывает отсутствие у смерти единого набора атрибутивных признаков, поскольку один и тот же образ может быть наделён множеством различных зависящих от индивидуального восприятия характеристик: *неожиданная 2, долгожданная, красивая, мучительная* и т. д.

Далее следует слот «Глагольные реакции» (6,25%), иллюстрирующий актуальную для русских метафору: смерть *приходит* (22 упоминания во всех формах) к людям, которые, в свою очередь, могут *бороться* с ней, *ждать* её и т. д.

На седьмом месте по актуальности для носителей русского языка находится слот «Пространство и Время» (4,73%). Относительно времени смерть, в основном, локализуется русскими при помощи различных прилагательных, определяющих, как скоро она случится (*близка 4, далеко 3, скорая* и т. д.) и сколько быстрой она будет (*быстрая 5, мгновенная* и т. д.). Локализация в пространстве, в свою очередь, представлена всего двумя единичными реакциями, что иллюстрирует минимальную важность этого признака для русских.

Далее следует слот «Пациентс» (4,56%), в котором единственной более-менее стабильной реакцией является *врагам* (6 упоминаний, включая единичную реакцию в форме единственного числа). На остальном же пространстве слота наблюдается почти полное отсутствие стандартности, поскольку то, о ком человек подумает в первую очередь как об объекте смерти, во многом зависит от индивидуального жизненного опыта.

Почти на самой периферии фрейма, на 9 месте, находится слот «Причинно-следственный компонент» (3,89%), который также иллюстрирует высокую степень индивидуализации восприятия смерти. Умереть можно, например, от *старости 3* или в результате *убийства 3, во имя любви 2* или *в бою*.

Наконец на самой дальней периферии находится слот «Атрибуты», представленный всего четырьмя реакциями. Вероятно, дело в том, что сама по себе ситуация смерти практически не имеет конкретных атрибутов, в то время как главный атрибут смерти как персонажа — коса — является культурно обусловленным, а потому входит в другой слот.

В данной ниже таблице, помимо фреймовой структуры АП и указанной в процентах доли каждого слота, можно увидеть некоторые другие примеры реакций.

Таблица 2. Фреймовая структура АП «Смерть» в сознании носителей русского языка.

Слот	Доля	Примеры
«Дефиниция»	24,32%	<i>вечность, сон, темнота 7, покой 5, разлука 3, свобода 2, блаженство, память, трагедия, удар 1</i>
«Компоненты культуры»	17,40%	(1) <i>воскрешение, поэта 2, вопреки, Дездемоны 1;</i> (2) <i>гроб 16, могила 7, кладбище, похороны 2, морг 1</i>
«Оппозиты»	16,39%	<i>рождение 6, жизнь 2</i>
«Эмоциональный компонент»	12,50%	(1) <i>слезы 3, печаль, скорбь, тоска 1;</i> (2) <i>не хочу 2, будь проще, ура! 1;</i> (3) <i>оно меня преследует; стоит того, чтобы жить 1</i>
«Описание»	6,59%	<i>внезапная 5, страшная 4, жестокая, злая, легка 1</i>
«Глагольные реакции»	6,25%	(1) <i>пришла 14, есть 2, не уйдет, будет, существует;</i> (2) <i>умирать 2, плакать, радоваться чужой 1</i>
«Пространство и Время»	4,73%	(1) <i>вечный, всегда, очень близко, скоро придет 1</i> (2) <i>где-то, рядом 1</i>
«Пациенс»	4,56%	<i>друга, моя, человека 2, бабки, козлам, родных 1</i>
«Причинно-следственный компонент»	3,89%	<i>болезнь, во имя зла, казнь, не сдал экзамен, препарирование 1</i>
«Атрибуты»	0,84%	<i>ночь 2, кровать, прах, траур 1</i>

Перейдём теперь к рассмотрению образа смерти в сознании носителей белорусского языка. Интересно, что АП «Смерць» именно для этого языка содержит наименьшее количество реакций — всего две, — которые так и не удалось отнести к какому-либо из слотов: *смерць* и *наш прэзідэнт* (для сравнения дадим количество не поддавшихся интерпретации реакций для других исследуемых языков: 4 реакции для русского, 5 — для украинского, 11 — для болгарского).

На первом месте, как и для носителей русского, оказывается слот «Дефиниция», но количественное соотношение здесь несколько иное: вошедшие в этот слот реакции (всего 207, из них 72 различных и 51 единичная) составляют почти треть (32,19%) от общего числа реакций. Белорусы, как и русские, представляют смерть в основном в негативном свете (150 реакций из 207). Чаще всего белорусы определяют смерть как *горе* 63 и *конец* 29, однако смерть — это еще и *сон* 6, *пакута* 3, *нешта страшнае* и *самае дрэннае на зямлі*. У белорусов также гораздо сильнее, чем у русских, проявляются покорность и смирение. Это выражается в таких реакциях, как *непазбежнасць* 2, *закон жыцця*, *неизбежность*, *непоправимое*.

Слот «Компоненты культуры» (22,16%) остаётся на втором месте, хотя его актуальность также возросла по сравнению с аналогичным слотом в языковой картине мира русских. Помимо религиозных реалий (ад 7, крыж 2, воля Бога и т. д.), а также привычного для славянской картины мира образа смерти с косой (34 упоминания), ассоциируемого с черным цветом (9 упоминаний), в этом слоте мы находим отражение очень интересного восприятия загробной жизни. Смерть воспринимается носителями белорусского языка как ачышчэнне, как дзверы, за которыми ожидает другое жыццё. Жизнь после смерти видится им как новы шлях, как пачатак новага жыцця.

На третьем месте находится слот «Эмоциональный компонент» (10,73%). Интересно, что в первом подслоте здесь преобладают реакции, иллюстрирующие не страх смерти, а скорбь по умершему: слёзы 19, плач 3, грусть, жаль, жальба и т. д. Тем не менее, некоторый элемент отрицания и непонимания смер-

ти присутствует и проявляется в подслоде «Диалогические реакции»: например, дрэнна 4, каму, навошта, не трэба. Подслод «Реакции-синтагмы» в языковой картине мира носителей белорусского языка отсутствует.

Слот «Оппозиты» (8,86%), потеряв в своей актуальности почти в два раза, оказался на четвёртом месте. Несмотря на это, разнообразие реакций в нём куда шире, чем в аналогичном слоте в фрейме «Смерть» для носителей русского языка: смерть воспринимается белорусами как пачатак 2, начало, перараджэнне.

Слот «Причинно-следственный компонент» (5,52%) кардинально отличается от аналогичного слота в русском языке наличием одной устойчивой стереотипной реакции: вайна 20. Все остальные реакции, кроме реакции хвароба 2, являются единичными.

В слоте «Описание», доля которого составляет 5,13%, доминирует описание не смерти как явления (например, страшна 5), а смерти как события. Реализуется, например, признак (не ожидаемости: нежаданае, заўчасная 1, — а также признак (не)контролируемости: непазбежнае, непоправимое, непазбежна 1.

Слот «Пациенс» (4,35%) имеет почти одинаковую долю во фреймах для русского и белорусского языков. Смерть может настигнуть врага (4 упоминания в разных формах) или героя (3 упоминания в разных формах), членов семьи (бабулі, брата, дзед). Наблюдается, как и в русском, абсолютное преобладание единичных реакций.

Слоты «Пространство и Время» и «Атрибуты» имеют одинаковую долю — 3,42%. В подслоде «Локализация во времени» представлены реакции, указывающие, как скоро случится смерть (блізка, ніколі, скоро и т. д.), и сколь быстр может быть процесс умирания (доўгая 4, хуткая 4). А вот локализация в пространстве, в сравнении с русским, носит более конкретный характер. Слот «Атрибуты» достаточно разнообразен и включает в себя в том числе реализацию такого интересного компонента, как «одиночество»: адзін, адзінота, адзіноцтва. Интересен он ввиду сложности его трактовки, поскольку мы можем лишь

предполагать, что именно хотел выразить испытуемый: то, что смерть, по его мнению, всегда происходит, когда ты один; то состояние, в котором оказываются родственники и друзья после чужей-то смерти; то, что ждёт после смерти каждого из нас.

Наконец, на самой периферии фрейма расположен слот «Глагольные реакции» (2,49%). Подслот «Действия, совершаемые человеком» немногочислен, и три из четырёх реакций в нём раскрывают другую сторону событийности смерти — акциональность. Подслот «Персонафикация» подкрепляет метафорическое сравнение смерти с гостем, который однажды прыходзіць 2 к каждому из нас.

В таблице ниже представлены другие реакции, вошедшие в описанные слоты.

Таблица 3. Фреймовая структура АП «Смерць» в сознании носителей белорусского языка.

Слот	Доля	Примеры
«Дефиниция»	32,19%	<i>бяда 4, адпачынак 2, будучыня, дрэнная звестка 1</i>
«Компоненты культуры»	22,16%	<i>(1) белая, череп, елка 2, жизнь — очередь за смертью 1 (2) гроб 14, могілкі 10, пахаванне 4, зямля 3, свечка 1</i>
«Эмоциональный компонент»	10,73%	<i>(1) жах 9, страх 8, боль 3, смутак, сум 1 (2) цяжка, непонятно, нічога болей, сумна, шкада 1</i>
«Оппозиты»	8,86%	<i>жыццё 42, нараджэнне 7, супраць жыцця 1</i>
«Причинно-следственный компонент»	5,52%	<i>агонь, виселица, забойства, зброя, катаванне, няма любви, пад старасць, расстаца з чалавекам 1</i>
«Описание»	5,13%	<i>дрэнны, лютая, недарэмная, холадна, цікавая 1</i>
«Пациенс»	4,35%	<i>чалавека, бандыту, блізікі, далёкага, жывёлы 1</i>
«Пространство и Время»	3,42%	<i>(1) вечна, не ў час, рано, яшчэ не скоро 1 (2) усюды 1, бальніца, дом 0,5</i>

«Атрибуты»	3,42%	<i>кроў, мярцвяляк 2, вараннё, ссохлы 1, бальніца, дом 0,5</i>
«Глагольные реакции»	2,49%	(1) <i>прыйшла 4, ёсць, мінула, прыйдзе, усіх спасцігне 1</i> (2) <i>загінуць 2, бачыць, памерці, памёр 1</i>

Рассмотрим теперь образ смерти, нашедший отражение в картине мира носителей украинского языка.

На первом месте неизменно оказывается слот «Дефиниция», в который вошло чуть больше четверти всех реакций — 27,56% (всего 132 реакции, из них 48 различных и 33 единичных). Тенденция преобладания негативных реакций (94 реакции из 132) прослеживается и здесь: украинцы определяют смерть через такие понятия, как *кінець 26, горе 22, втрата 16, забуття 2, зло 2, закон природи* и даже *кара*. Иногда, однако, смерть понимается как *полегшення* и *шлях до вищого*.

На втором месте находится слот «Описание» (19%). Лишь в картине мира носителей украинского языка смерть приобрела два действительно устойчивых признака: *страшна 21* и *неми-нуча 10*. Эти признаки наиболее ярко иллюстрируют семантический состав слота, поскольку практически все реакции данного слота демонстрируют одновременно страх перед смертью и смирение с её неизбежностью, раскрывая восприятие смерти как чего-то плохого. Некоторые реакции показывают и более светлую сторону смерти (*красива, нестрашна, почесна*), но они слишком немногочисленны.

Слот «Компоненты культуры» (17,75%) демонстрирует некоторые представления о загробной жизни (*ад 2, потойбіччя, інше життя, перевтілення, той світ*) и женский образ с косой, который, как мы видим, является для славянской культуры явлением устоявшимся. Подслот «Ритуализация смерти» очень ограничен в плане представленных в нём реалий, поскольку почти все они представляют собой разнообразные наименования для гроба и процесса похорон. Выделяются здесь только две реакции — *могила 2* и *земля*.

На четвёртом месте по актуальности для носителей украинского языка оказывается слот «Эмоциональный компонент» (9,5%). Эмоции, которые возникают у украинцев при мысли о смерти, представляют собой сплав страха и тоски. Это выражается такими реакциями, как *жах* 7, *сльози* 6, *страх* 6, *журба* 3, *скорбота* 2, *біль*. Подслот «Диалогические реакции» представлен всего лишь 7,5 реакциями и является, таким образом, самым маленьким среди аналогичных подслотов в составе фреймов для других исследуемых языков (34 реакции для русского, 16 — для белорусского, 23 — для болгарского). Несмотря на это, лишь одна реакция выражает равнодушие к смерти (*ну і що*) и одна (она вошла также в подслот «Локализация во времени», и ввиду этого её частотность была приравнена нами к 0,5) — ожидание и желание смерти: *скоріще б*. Остальные же реакции подкрепляют негативное восприятие смерти. Подслот «Реакции-синтагмы» в фрейме «Смерть» в картине мира украинцев не представлен.

На пятом месте по актуальности находится слот «Пространство и Время». В подслоте «Локализация во времени» преобладают реакции, указывающие на скорость процесса умирания: смерть может быть *швидка* 9, *миттєва* 3, *бистра*, *довга*, *коротка*, *повільна*. Подслот «Локализация в пространстве» представлен двумя реакциями, из которых только одна носит конкретный характер (см. табл. 4).

Фрейм «Смерть», нашедший отражение в картине мира носителей украинского, в некотором роде уникален, поскольку только в нём слот «Оппозиты» (5,01%) вышел за пределы четвёрки самых актуальных слотов. Кроме того, реакция *життя*, являющаяся прямым антонимом стимула, и, как следствие, наиболее очевидной реакцией, в АП «Смерть» для украинского языка имеет аномально низкую частотность — всего 22 упоминания, включая реакцию *і життя*.

На седьмом месте по актуальности оказался слот «Глагольные реакции» (4,17%). Подслот «Персонификация», помимо продолжения линии метафорического сравнения (*прийде* 5 и т. д.), содержит интересную реакцию *заспокоює*. Это — первый случай, когда восприятие смерти как чего-то светлого проявило себя

в глагольных реакциях. Подслот «Действия, совершаемые человеком» выделяется тем, что в нём впервые появляется восприятие человека как субъекта, а не объекта действия: один человек может *карати* другого, тем самым становясь причиной чьей-то смерти.

На восьмом месте находится слот «Пациенс» (3,76%), в котором всего одна неединичная реакция — *людини* 5. Интересно то, что реакции *ворогам* и *героя* здесь единичные, а также то, что наравне с членами семьи и абстрактным понятием *рідних* здесь впервые появляется в качестве реакции имя собственное — *Валера*, то есть — конкретная персоналия.

На девятом месте в структуре фрейма мы видим слот «Причинно-следственный компонент» (3,13%). Украинцы, как и белорусы, проявили единодушие в отношении наиболее распространённой причины смерти: самой частотной реакцией в этом слоте является *війна* 7. Интересно появление религиозного компонента: умереть можно не только потому, что наступила *старість*, но и *за гріх*.

На последнем месте по актуальности находится слот «Атрибуты» (1,88%), в котором представлены в разных формах три наименования для тела умершего. Кроме них, атрибутами смерти считаются в картине мира носителей украинского языка *ніч* 3 и *траур*.

В таблице ниже можно найти ещё несколько примеров того, как образ сознания «Смерть» реализуется в сознании украинцев.

Таблица 4. Фреймовая структура АП «Смерть» в сознании носителей украинского языка.

Слот	Доля	Примеры
«Дефиниция»	27,56%	<i>розлука, сон</i> 3, <i>безодня, загадковість, лихо, нещастя</i> 1
«Описание»	19,00%	<i>невблаганна, тяжка</i> 4, <i>погана</i> 2, <i>люта, природна</i> 1
«Компоненты культуры»	17,75%	(1) <i>коса</i> 14, <i>чорна</i> 8, <i>двері, амінь, відьма, мітла, небо</i> 1 (2) <i>труна</i> 6, <i>похорон</i> 3, <i>гроб</i> 2, <i>клопоти з покійником</i> 1

«Эмоциональный компонент»	9,50%	(1) <i>плач 2, байдужість, боязнь, смуток, ужас 1</i> (2) <i>жахливо, погано, страхіття, сумно, трагічно 1</i>
«Пространство и Время»	7,00%	(1) <i>передчасна 8, назавжди 2, не вічна 1, скорище б 0,5</i> (2) <i>рядом, село 1</i>
«Оппозиты»	5,01%	<i>життя 19, і життя 3, існування, народження 1</i>
«Глагольные реакции»	4,17%	(1) <i>прийшла 4, варта, мене, настане, приходить 1</i> (2) <i>вмерети 2, зникати, помер 1</i>
«Пациенс»	3,76%	<i>бабусі, батька, жінка, злодійки 1, відьма 0,5</i>
«Причинно-следственный компонент»	3,13%	<i>лиха 3, зараза, звільнення, пуста 1</i>
«Атрибуты»	1,88%	<i>труп 2, мертве тіло, мертв'як 1, мертве тіла 0,5</i>

Рассмотрим теперь, какой видят смерть носители последнего из исследуемых нами языков — болгарского.

На первом месте, как и в трёх предыдущих фреймах, оказывается слот «Дефиниция», в который вошла почти треть всех реакций — 31,67% (всего 184 реакции, из них 64 различных и 46 единичных). Определение смерти через что-то негативное по-прежнему преобладает (117 реакций из 184), так что это можно назвать общеславянской чертой. Болгары воспринимают смерть через такие понятия, как *край 65, нещастие 6, зло 3, трагедия 2, безсиліе*. Прослеживается также ассоциация смерти с явлением, дарующим *спасение 4 и свободу 3*, с чем-то, что есть *блаженство и чудо*, а потому людям свойственно *оцакване* смерти.

На втором месте по актуальности находится слот «Эмоциональный компонент», который, однако, имеет долю почти в два раза меньшую, чем слот «Дефиниция» (18,8%). Помимо типичных уже реакций, иллюстрирующих страх и тоску, мы видим также реакции, связанные с мучениями (*м'яка 15, боль 7*) и ненавистью к смерти (*ненавист, омраза*), которые до этого ещё ни разу нам не встречались. Подслот «Реакции-синтагмы»,

как уже было указано нами в начале статьи, наиболее широко представлен именно в фрейме для болгарского языка. Данный подслот содержит весьма разнообразные и очень личные, а потому интересные реакции. Здесь мы видим неизбежность смерти (*смъртта е неизбежна, цял живот се готвим за нея*), отказ поверить в её реальность (*смъртта е трип*) и даже такую реакцию, как *дава смисъл на живота*, которая является замечательной иллюстрацией к известному выражению, принадлежащему герою криминальной комедии Гая Ричи «Рок-н-роллерщик»: «Без зимы нет весны, без смерти нет жизни».

На третьем месте видим слот «Компоненты культуры» (16,61%). Интересно, что только у носителей болгарского языка в этом слоте появляются конкретные персоналии, как реальные, так и выдуманные: героиня сказок (*баба Яга*), болгарский политический деятель и революционер (*Левски*), немецкий барон, чьё имя стало нарицательным (*Мюнхаузен*), и даже немецкий философ, создавший учение о Бытии (*Хайдегер*). В подсло-те «Ритуализация смерти» интересно появление реакций, чуть больше детализирующих процесс похорон: для того, чтобы выкопать *трап*, нужна *лопата*, а ещё на похороны принято приходить с цветами (*цвете*).

Слот «Оппозиты» (12,05%), оказавшийся на четвёртом месте, достаточно типичен и не имеет ярко выраженных особенностей.

За ним следует слот «Описание», доля которого равна 6,02%. Как постоянный признак смерти выделилось то, что она *неизбежна* 9. Интересно появление логичных, но не очень очевидных реакций (например, *закономерна, нелепа, неприятно*), а также реакций, истолковать природу которых мы затрудняемся: *сиво, слаба*.

На шестом месте по актуальности находится слот «Причинно-следственный компонент» (3,61%). Болгары называют совершенно разнообразные причины смерти, не выказывая уверенного предпочтения какой-то одной из них. Среди любопытных встретились такие реакции, как *ужилване* и *умора*.

За ним следует слот «Атрибуты» (3,1%). Он включает в себя время суток (*нощ*, *вечер*), погодные условия (*вятър*), то, что можно увидеть вокруг трупа (*кал*, *кръв*), и в целом является вторым по разнообразности среди аналогичных слотов в составе других фреймов (для сравнения дадим количество реакций в данном слоте для каждого из исследуемых нами языков: 5 реакций для русского, 9 — для украинского, 18 — для болгарского и 22 — для белорусского).

На седьмом месте мы видим слот «Пространство и Время» (2,93%), наибольший интерес в котором представляет подслот «Локализация в пространстве», поскольку он не только представлен в болгарском большим числом реакций, чем в других языках, но и содержит реакции, плохо поддающиеся истолкованию, несмотря на их очевидное пространственное значение: *обръщане*, *от другата страна на блока*. В подслоте «Локализация во времени» преобладает компонент, определяющий, как скоро человек умрёт.

Почти у самой периферии, на девятом месте, расположен слот «Пациенс» (1,64%). Все реакции в нём являются единичными, что на фоне аналогичного слота в других языках видится нам любопытным явлением: единичными оказываются даже те реакции, которые встречались в других исследуемых нами языках хотя бы дважды (*враг*, *герой*, *човек*).

Наконец наименее актуальным для болгарской языковой картины мира оказывается слот «Глагольные реакции» (1,04%). Подслот «Персонификация» представлен всего тремя реакциями, а потому продолжает уже замеченную нами линию метафорического сравнения смерти с существом, способным перемещаться подобно зверю или человеку, весьма слабо. Интересно появление такой реакции, как *победена*. Получается, что болгары верят в то, что смерть можно победить. Однако сложно сказать, с чем именно связано появление такой реакции: с ассоциацией с какой-то побеждённой человечеством болезнью, с верой в предположительно возможную в будущем вечную жизнь или с чем-то иным. Особенно любопытно параллельное появление этой реакцией с реакцией *примирияване* в подслоте

«Действия, совершаемые человеком», поскольку эти действия вступают в очевидный конфликт: нельзя одновременно смириться со смертью и победить её.

В таблице ниже представлена фреймовая структура АП «Смърт», актуальная для носителей болгарского языка. В ней также можно найти другие примеры реакций для каждого из описанных слотов и подслотов.

Таблица 5. Фреймовая структура АП «Смърт» в сознании носителей болгарского языка.

Слот	Доля	Примеры
«Дефиниция»	31,67%	<i>вечност 8, сън 3, вечен живот, необходимост, покой 1</i>
«Эмоциональный компонент»	18,80%	(1) <i>тъга 18, страх 10, печаль 6, скръб 4, радост 1</i> (2) <i>лошо 3, гадна, не 2, аз, веднъж, защо?, ме чака 1</i> (3) <i>го сполетия, и това се случва, смъртта е навсякъде</i>
«Компоненты культуры»	16,61%	(1) <i>черно 13, коса 7, бяло 3, друг живот, образ с коса 1</i> (2) <i>гроб 13, ковчег 5, земя 4, гробище, помен 1</i>
«Опозиты»	12,05%	<i>живот 61, прераждане 4, раждане 3, битие 1</i>
«Описание»	6,02%	<i>естествена, страшна 2, грозна, жестока, чужда 1</i>
«Причинно-следственный компонент»	3,61%	<i>старост 4, война 3, болест, любов, убийство 2, атентат, вода, опасность, оръжие, от любов, съзаклятие 1</i>
«Атрибуты»	3,10%	<i>трун 3, легло 2, мухъл, плащ, покана, траур 1</i>
«Пространство и Время»	2,93%	(1) <i>бавна 4, винаги 2, безкрай, вечна, далеч, кога, час 1</i> (2) <i>горе, някъде</i>
«Пациенс»	1,64%	<i>глупак, дете, за предателите, приятел, старец 1</i>
«Глагольные реакции»	1,04%	(1) <i>идва, напасване 1</i> (2) <i>умирам, умрял 1</i>

В ходе сопоставления полученных фреймов нам удалось выделить 35 признаков, которые встретились среди реакций на стимул *смерть* носителей всех четырёх исследуемых языков. Иными словами, нам удалось выделить те признаки, которые формируют единый образ смерти в славянской языковой картине мира, что доказывает выдвинутую нами в начале данной статьи идею об универсальности данного образа сознания. Итак, с образом сознания «Смерть» в славянской культуре связываются следующие понятия: ад, белая, болезнь, боль, вечность, война, враг, гроб, другая жизнь, жестокая, жизнь, зло, конец, коса, могила, неожиданная, несчастье, ничто, плохо, похороны, приходит, пустота, рождение, скорбь, слёзы, сон, старость, страх, страшная, траур, ужас, умер, холод, человек, чёрная. При этом наиболее актуальными из этих признаков (актуальными мы считаем те признаки, частотность которых для каждого языка равна или превышает 5 употреблений) являются следующие: гроб, жизнь, конец, коса, страх, ужас, чёрная. Таким образом, есть все основания полагать, что при сопоставлении полученного списка с АП «Смерть» в каком-то другом языке, возможно, даже неславянском, совпадения с наибольшей вероятностью обнаружатся именно для выделенных нами наиболее актуальных признаков.

Подведём итоги. Структура фрейма «Смерть», актуальная для представителей славянской культуры, включает в себя 10 слотов, наиболее важным из которых является слот «Дефиниция», поскольку он неизменно оказывается в самом центре фрейма. Чётко выделить наименее актуальный слот не представляется возможным, поскольку самую дальнюю периферию делят между собой слот «Атрибуты» (русский и украинский языки) и слот «Глагольные реакции» (белорусский и болгарский языки). Кроме того, существует набор единых представлений о смерти, включающий в себя 35 признаков, универсальных в рамках славянской культуры. Мы полагаем, что какие-то из выделенных в данной работе признаков окажутся универсальными не только для славянской культуры, но и в рамках представлений человечества о смерти в целом.

Библиография

- Осипова А. А. *Смерть*, [в:] *Антология концептов*, ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина, т. 3, Волгоград 2006, с. 364–380.
- Тарасенко В. В. *Концепты «Жизнь» и «Смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей (на материале фразеологизмов)*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Кемерово 2008.
- Тетерина Ю. Ф., *Сегментно-полевая модель концепта «смерть» как инструмент диахронического анализа*, <https://cyberleninka.ru/article/v/segmentno-polevaya-model-kontseptta-smert-kak-instrument-diahronicheskogo-analiza>.
- Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф. *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*, Москва 2004.

The image of death in the linguistic view of the world of the slavs (based on verbal associations)

This work is devoted to the study of the mental image 'Death' in the linguistic view of the world of Russian-speaking, Belarusian-speaking, Ukrainian-speaking and Bulgarian-speaking people. The main aims of this research are the following: building up a frame, describing its structure within every chosen language and eliciting of the common elements of the mental image 'Death' within Slavic culture.

Key words: mental image; reaction; death; frame; linguistic view of the world.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Культкина Анастасия Алексеевна, студент.
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов).
e-mail: lovle-kiten@mail.ru
Сфера научных интересов: когнитивная психология, освоение языка, клиническая лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология.

ABOUT THE AUTHOR

Kulgina Anastasiia, Bachelor student.
Saratov State University (Russia, Saratov).
e-mail: lovle-kiten@mail.ru
Scientific interests: cognitive psychology, language acquisition, clinical linguistics, psycholinguistics, ethnolinguistics, cultural linguistics.

Бабенко И. И.

Ким В. С.

Опыт филологического анализа образа сильной женщины в прозе Л. Улицкой (на материале рассказов «Чужие дети» и «Подкидыш»)

Филологический анализ образа главной героини рассказов Л. Улицкой «Чужие дети» и «Подкидыш» — Эммы Ашотовны предполагал изучение семантики и этимологии имени героини, выразительных средств изображения внутреннего мира и внешнего вида персонажа сквозь призму восприятия рассказчика и других персонажей, стилистических приёмов описания жестов, мимики героя, его действий и поступков и др. Установлено, что самобытный образ героини формируется преимущественно благодаря приёму противопоставления в структуре описания, образа, системы образов, например, категорий мужского и женского, внутреннего и внешнего, торжественного и обыденного, атрибутов роскошной архаики и убогой современности, характеристик беспомощности и силы, окаменевшего и гибкого, суеверного и научного. Указано, что в описании внешности используются лексический повтор, эпитеты, противопоставление и синекдоха, в повествовании о буднях героини — нанизывание глаголов движения, об эмоциональном состоянии — глагольные формы состояния. Все средства выразительности и стилистические приёмы формируют образ матриарха — сильной, твёрдой и прагматично лабильной, пронизательной, мудрой и суеверной, архаичной и современной, способной ошибаться и признавать вину.

Ключевые слова: образ сильной женщины, изобразительно-выразительные средства, филологический анализ.

Женский образ занимает особое место в галерее образов культуры в целом и литературы в частности. Женщины выступают на страницах произведений художественной литературы и как центральные персонажи, определяющие ход событий, и как фоновые, дополняющие, оттеняющие особенности главных героев. Очевидно, что за многие десятилетия образ женщины в литературе претерпел значительные метаморфозы, как правило, синхронизированные с социальными трансформациями представлений о роли женщины: углублялся психологизм, женский образ усложнялся и внутренний мир становился многограннее [Абдулина 2002].

В нашем исследовании представлен филологический анализ образа «сильной женщины», актуальный для современной отечественной литературы и культуры, сформировавшийся под влиянием, во-первых, фольклорных традиций изображения женских персонажей, во-вторых, образцов, отраженных в классической литературе, в-третьих, новейших представлений о роли женщины в обществе.

Материалом для филологического анализа художественного образа выбраны рассказы Л. Улицкой «Чужие дети» и «Подкидьш». Интерес к творчеству писательницы обусловлен тем, что её рассказы и романы давно и преданно любимы читателями, но часто вызывают неоднозначную реакцию литературных критиков.

Литературные критики — авторы «толстых» журналов — снисходительно, а иногда резко отзывались о произведениях Л. Улицкой, например, М. Ремизова писала, что «Улицкая — писатель не без талантов», представляющая сознание типично женское, то есть иррациональное и, мягко говоря, довольно слабо структурированное» [Ремизова, 2002]. Н. Иванова, обсуждая шансы писательницы на получение премии за роман «Казус Кукоцкого», утверждает: «Улицкая, “читабельная... «Качественная” беллетристика, приносящая доход. Активно пишущий, достаточно “плодовитый”, энергичный автор» [Иванова 2002], Е. Ермолин в короткой рецензии на первую книгу романа Людмилы Улицкой “Искренне ваш Шурик” отмечает: «это приятная

во всех отношениях беллетристика с эротическим оттенком, столь свойственным вообще прозе букероносной писательницы... Первая книга романа случилась донельзя банальная; я бы даже сказал — наглядно примитивная» [Щеглова 2004]. Нелестные отзывы читаем и в других рецензиях: «высший уровень масскульта, беллетристика» [Дугина 2003], «Улицкую можно назвать самой модной из русских писательниц» [Игрунова 2003], «это литература для интеллектуальных домохозяек на пляже» [Брейнингер 2019]. Такие снисходительно-пренебрежительные оценки творчества Л. Улицкой, ставшей любимым автором нескольких поколений, вызывают недоумение.

Раздражение литературных критиков Г. Ермошина объясняет отсутствием в текстах Л. Улицкой «тяги к рефлексии»: «В задачу автора входит только фиксация событий, но не их истолкование, не говоря уже о психологии поступков... Улицкая, сознательно отодвинувшись от самоидентификации со своими персонажами, рассматривает не психологию и философию их существования, а нечто другое, то, чего в современной прозе, пожалуй, больше нет ни у кого: биологию — поведения, существования, реакцию на всевозможные внешние раздражители. Кажется, что ее героини всего лишь лабораторные мыши, за которыми автор пристально наблюдает и заносит наблюдения в дневник — бесстрастно, потому что они не живые люди со своей неповторимой судьбой, а подопытные экспонаты. Поэтому и сам стиль ее повествования местами напоминает отчет о добросовестно проделанной работе. Литература для автора — это наука, в которой эмоции — излишняя и ненужная роскошь, что-то вроде виньетки на полях научного трактата или кокетливого бантика на халате хирурга. Присущая Улицкой жесткость и сдержанность, удерживают ее произведение от сентиментальности, присущей женским романам» [Ермошина 2004]. Интерес филологов к творчеству Л. Улицкой обусловлен тем, что ей дано «умение доступно говорить о вещах бытийных позволяет ей балансировать на грани «мейнстримовской» беллетристики и «высокой» словесности, «настоящего» и «форматного» [Осьмухина 2011] или тем, что «в своем творчестве реализует тот

потенциал, который присущ романному жанру в целом. Это амбивалентность, персонализм, имплицитная философичность, антидогматический универсализм [Безрукавая 2011].

Нелестные отзывы критиков практически не влияют на популярность писательницы в среде читателей и филологов. Лингвисты и литературоведы активно исследуют самые разные аспекты творчества Л. Улицкой, подтверждает это поиск в базе данных научной электронной библиотеки [Elibrary.ru](http://elibrary.ru) — по ключевому слову находим более 600 публикаций с фамилией писательницы в названии. Многочисленные исследования филологов посвящены поэтике и стилистике произведений Л. Улицкой, ученые описывают образы персонажей, категории пространства и времени, концепты семья, дом, человек, детство, архетипы матери, женственности, праведника и мн.др. При этом очевидно, что женщины являются центральными персонажами многих произведений, их образы, созданные пером Л. Улицкой, любимы читателями и интересны исследователям.

Методология филологического анализа образа героя заключается в умении обнаружить «авторскую позицию», которая была выражена в произведении, и суметь её доказать. Любые детали, даже мимолетные эпизоды, включенные в текст — отдельный мир для глубинного анализа персонажа [Бочаров 1985].

Наиболее полный филологический анализ образа героя предполагает изучение семантики его имени, его внешнего вида сквозь призму восприятия рассказчиком и другими персонажами, описание жестов, мимики, движений героя, его действий и поступков, его переживаний в форме внутренних монологов в аспекте используемых автором изобразительно-выразительных средств и стилистических приёмов.

Женские образы произведений Л. Улицкой становились предметом изучения многих исследователей. Например, Е. Э. Латыпова и А. Ш. Абдуллина а, что в произведениях Л. Улицкой представлена целостная система женских образов и мотивов, одним из которых является образ вечной матери [Латыпова, Абдуллина 2017]. Е. Д. Кадацкая в статье, посвященной гендерным стереотипам, воплощенным в образе главной героини романа

Л. Улицкой «Медя и ее дети», отмечает, что «писательницу привлекает многогранность и непредсказуемость женского характера, акцент же непосредственно ставится на великом терпении женщины и ее стойкости». Более того, автор статьи отмечает, что в романе Л. Улицкой «Медя и ее дети» воплощено полное соответствие «патриархальных гендерных стереотипов женского характера и женского мироустройства в целом, что никак не является отражением примитивного восприятия роли женщины, а наоборот подчеркивает вечные духовные ценности в роли женщины как хранительницы семьи, домашнего очага» [Кадацкая 2018]

Женские образы, созданные в произведениях Л. Улицкой, описывает Е. Т. Глазинская, утверждая, что например, Медя Мендес – это воплощение всеобъемлющего материнства, мать рода (праматерь) и целительница, а героиня рассказа «Искренне ваш, Шурик» – работающая мать, одна воспитывающая ребенка. В рассказе «Дочь Бухары» героиня – идеал женственности и носитель библейской морали: каков бы ни был ребёнок, этот ребёнок – родной [Глазинская 2017].

Система персонажей в рассказах Л. Улицкой выстроена таким образом, что читатель сразу понимает, кто в произведении главный герой, а кто второстепенный, при этом и те, и другие объемно и содержательно представлены в повествовании. С. Ю. Воробьева отмечает, что портреты главных героинь произведений Л. Улицкой предшествуют сюжетному действию, постепенно вплетаясь в него. Образы собираются из множества визуальных, всегда оценочных впечатлений, черт окружающего мира: цветовой гаммы, графических символов, пространственных и временных координат, очертаний материальных предметов, звуков и запахов. Характер их «сцепления» в виде определенного архитектурного строя отражает эстетический и этический (а в их рамках и гендерный) замысел автора. Он воспринимается читателем как определенный образный код, освоение которого — важная составляющая процесса гендерно чувствительного чтения [Воробьева 2013].

Семантика имени

Рассмотрим далее образ бабушки — шестидесятилетней героини цикла рассказов «Девочки» – Эммы Ашотовны — «представительницы древнего армянского рода», «родом из богатой армянской семьи» [Улицкая 2006]. Начнем с рассмотрения этимологии имени. Н. В. Меркулова [Меркулова 2016], изучая интертекстуальный потенциал имени Эмма в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» отмечает, что «личное имя Emma в период создания произведения, бесспорно, соотносится со всей романтической литературой ... это, прежде всего, образ «вечной женственности»: «(F)emm(e)», словно некая абстрактная женская фигура из художественной литературы», но в то же время именем «подчеркивается попытка доминирования женского образа Эммы над мужскими. Источник «воинственной природы» героини вновь кроется в значении именной основы: Emma происходит от герм.: «ermin», «herman»/«homme»/«мужчина»; также наличествует созвучие Emma с термином «amazon»/«женщинавоительница». Для персонажа Эммы характерна постоянная конкуренция с мужчинами в романе» [Меркулова 2016]. Особый статус имени, наряду с его предположительной этимологически обусловленной гендерной двойственностью, придаёт и то, что в Средние века многие особы королевской крови носили это имя .

Ашот, так звали отца Эммы, носил древнее армянское имя предположительно ассирийского происхождения со стертой семантикой, высокочастотное, так как всегда считалось именем армянских царей [Сартаева 2020].

Итак, имя героини интертекстуально актуализирует противопоставленные мотивы вечной женственности и безусловной мужественности, кроме этого имя указывает на традиции наречения европейских особ королевского происхождения. Аристократизм Эммы Ашотовны подчеркивается и древним происхождением не только её рода, но и имени её отца: Ашот — традиционное имя армянских царей. Имя героини — единство противоположного: мужского и женского, европейского и ази-

атского, тяжелых будней героини рассказов и древней истории царей Армении и Средневековых традиций королевских домов Европы.

Внешность: крупные перстни на изработанных руках

Лишь несколькими штрихами описывается внешность Эммы Ашотовны — женщины с крупной головой и большими волосами. Мы узнаем, что и Эмма Ашотовна, и дочь, и внучки — длинноволосые брюнетки: «Эмма Ашотовна торопливо сбрасывала с плеч хлопотливое утро с долгим расчесыванием четырех длинногривых голов: ее собственной, дочерней и внучкиных, плетением темных кос» [Улицкая 2006]. Кроме этого, встречаем описание глаз героини: «сверкнула ... сильными темными глазами» [Улицкая 2006]. Остальные детали величественной внешности героини можно реконструировать, читая повторяющееся несколько раз описание её натруженных рук с перстнями на пальцах: «...бабушкиных рук, отяжелённых крупными перстнями и набухшими суставами», «высокомерной рукой в больших перстнях со старыми кораллами», «она сверкала крупными камнями на изработанных руках, шуршала старым шелковым платьем павлиньего цвета и говорила красивым низким голосом с гортанными, никогда не исчезающими у армян звуками, говорила торжественно и одновременно обыденно» [Улицкая 2006]. Синекдоха позволяет воплотить важную идейно-смысловую черту образа Эммы Ашотовны: руки наиболее полно и точно отражают сущность героини. Когда она «колдует» над обедом на кухне, это руки виртуоза: «Она вела счет орехам и яйцам, зернышкам кориандра и горошинам перца, а руки ее тем временем совершенно независимо делали мелкие и точные движения, и она наслаждалась стряпней, как музыкант наслаждается музыкой, рождающейся от его пальцев» [Улицкая 2006]. Когда она переживает, пожалуй, самые трудные дни своей жизни, только руки выдают её состояние: «К вечеру у Эммы Ашо-

товны страшно разболелись пальцы левой руки, три средних, исключая мизинец и большой. Всю ночь рука горела, к утру пальцы распухли и поднялась температура. Несколько дней она страшно мучилась. В дни болезни – к слову сказать, первой болезни с довоенного времени – она едва только могла помочь Маргарите... Эмме Ашотовне поставили диагноз – множественный панариций. Сама-то она знала, что через эти нарывы уходило из нее то зло, которое накопила она на своего дурака зятя. Однако, когда нарывы созрели, их вскрыли и все быстро зажило, она еще недели две не снимала повязки с пальцев – для укрепления любви между Серго и девочками» [Улицкая 2006].

Бабушка — неотъемлемая часть мира внучек, поэтому они замечают только какие-то яркие детали её образа, например, новое синее платье в белый горошек, выражение лица во время сложного разговора «Эмма Ашотовна, с покрасневшим от сковородного жара лицом и строгими бровями» [Улицкая 2006], тактильные ощущения в ситуации испуга: «за что тут же и получила жестким бабушкиным пальцем по маковке» [Улицкая 2006], «Гаяне крепко схватилась за шелковый подол бабушкиного нового платья, крупные белые горохи которого были на ощупь заметно жестче, чем небесно-синее поле» [Улицкая 2006]. Особенно ярко видится бабушка проснувшейся от каталептического сна Гаяне: «бабушка сидела возле нее на стуле, сверкая алмазными серьгами, и счастливо улыбалась красно накрашенными губами, а оттого, что на желтоватых передних зубах был виден следок губной помады» [Улицкая 2006]. Легкое несовершенство образа — «следок губной помады» [Улицкая 2006] на зубах — возвращает Гаяне спокойствие и ощущение реальности: «Гаяне поняла, что это не сон» [Улицкая 2006].

Несколько раз читатели видят героиню глазами других персонажей, например, сквозь призму оценочных суждений зятя: «тещу же, несмотря на полное внешнее почтение, он и раньше почитал старой ведьмой» [Улицкая 2006], «увидел, как раздвинулись знакомые занавески, и узнал руку тещи в тусклых перстнях» [Улицкая 2006], «Эмма Ашотовна, как будто нарочно стоявшая возле двери, немедленно открыла ему. Она была оде-

та, причесана, в руках держала маленькую медную кастрюльку» [Улицкая 2006]. Примечательно, что старинные коралловые перстни видятся зятю тусклыми.

«Система жизни» Эммы Ашотовны

Мы узнаем, что «была Эмма Ашотовна человеком оригинальным, со своей системой жизни, в которой равноправно присутствовали строгие нравственные правила, несколько не завершенное высшее образование, набор упомянутых суеверий, а также возведенные в принцип собственные прихоти и капризы, для окружающих, впрочем, вполне безвредные» [Улицкая 2006]. Оригинальность героини состояла в том, что было у неё «тайное обыкновение перебирать про себя ряды чисел, как другие перебирают четки. Так, с помощью этой своеобразной игры, решала она обыкновенно свои житейские задачки» [Улицкая 2006]. Может быть поэтому зять Серго втайне её «почитал старой ведьмой» [Улицкая 2006].

Единство внешних и внутренних характеристик героини проявляется в её позах, жестах, движениях души. Она способна сохранять достоинство и аристократическую осанку в самых сложных обстоятельствах: «восседала Эмма Ашотовна» [Улицкая 2006], «окаменела бледная Эмма Ашотовна» [Улицкая 2006], «потрясенная Эмма Ашотовна» [Улицкая 2006]. «“Господи, сделай так! Господи, сделай!” – отчаянно кричала ее душа, но она продолжала говорить с лицом спокойным и радостным» [Улицкая 2006]. Эти детали подчеркивают внутреннюю силу героини рассказа, позволяют представить её величественной пожилой женщиной, обремененной тяжелым опытом жизни многих поколений армянской семьи. Глубина и сила характера Эммы Ашотовны, вписанные в контекст многовековых традиций, подчеркиваются и словами «порода», «натура», которые используются при описании героини: «по благородной склонности натуры», «принадлежали к одной породе восточных жен» [Улицкая 2006]. Тяжелые перстни и алмазные серьги Эммы Ашотовны словно материализуют её благородную натуру и восточную породу.

Проницательность и простодушие

Внутренние качества героини Л. Улицкая описывает избирательно, подчеркивая её мудрость и проницательность: «внимательная Эмма Ашотовна установила» [Улицкая 2006], «с нежностью и почти научным интересом Эмма Ашотовна отмечала в них все черты сходства, все штрихи различий» [Улицкая 2006], «проницательная бабушка Эмма Ашотовна очень рано отметила разницу» [Улицкая 2006]. Именно бабушка представляется фундаментом семьи, штурманом и капитаном этого неустойчивого судна: «Эмма Ашотовна была единственным в семье человеком, обладающим достаточной чуткостью и способной в этом разобраться» [Улицкая 2006]. Но в самый ответственный момент эти качества её подводят, она не может увидеть чего-то главного: «Эмма Ашотовна допросила Викторию. Вика смотрела честными глазами: врать ей не пришлось... Эмма Ашотовна не была Шерлоком Холмсом, она не заметила» [Улицкая 2006]. Внимательная и прозорливая женщина не смогла распознать притворство внучки. Она не ожидала подвоха от Виктории, потому что сама была честной, прямолинейной и твердой в суждениях и решениях.

Сильная и волевая героиня и живет самоотверженно, и ошибается едва ли не фатально, но она способна осознать собственную ошибку, ужаснувшись её последствиям: «Потрясенная Эмма Ашотовна, испытывая чувство вины... нащупывала одновременно ниточку какого-то гениального и сказочного решения, которое смогло бы все вернуть назад, к месту непостижимой ошибки, и все бы организовалось мудро, мирно, ко всеобщей радости» [Улицкая 2006].

Эмоциональная сфера: страстная, властная, самоотверженная

Масштаб личности Эммы Ашотовны проявляется в её волевых качествах и поступках, но формируется благодаря сильному темпераменту: «Мать [Эмма Ашотовна] и дочь принадлежали к одной породе восточных жен, любящих своих мужей страст-

но, властно и самоотверженно...» [Улицкая 2006]. Она способна на сильные чувства, на любовь «страстную, властную, самоотверженную». Эти атрибутивные характеристики формируют противоречивый образ женщины – воительницы и защитницы, достигающей своей цели не смотря ни на что, готовой ради тех, кого она любит, жертвовать собой, своими интересами, желаниям, потребностями.

Не только любовь, но и другие чувства Эммы Ашотовны сильны, например, гнев и ярость, которые она тем не менее может задушить ради искупления вины перед дочерью и внуками, ради сохранения семьи: «Весь черный комок гнева и ярости, который собрался в ней за эти годы против Серго, она, как ей казалось, собрала в левую руку и крепко сжала его в горсти...» [Улицкая 2006]. Заметим, что «впервые в жизни остро чувствовала она, что ей не хватает ума, знания жизни, красноречия, и она молила о помощи» [Улицкая 2006], она смогла смирить гнев и ярость и говорила с зятем «с лицом спокойным и радостным: – Твой дом ждал тебя, Серго... Вот чашка твоя, смотри... Маргарита не велела трогать... Книги твои и тетради старые стоят как стояли... Дождались мы, дождались тебя...» [Улицкая 2006].

Будни героини: день за днём

Л. Улицкая снова и снова описывает героиню, используя приём противопоставления: «Эмме Ашотовне, столь сложно устроенной, однако простодушной, и в голову не приходило, какой глубокой катастрофой чревато суеверное умолчание» [Улицкая 2006]. Одновременно пронизательная, сложно устроенная и простодушно суеверная героиня своими руками, вернее, своим неосторожным советом, вызванным тревогой и суеверием, чуть не сломала судьбу дочери. Осознав вину, она стоически переживала трудности, оставшись одна с больной дочерью и внуками: «Эмма Ашотовна начинала свой день с того, что поднимала дочь, вела ее в уборную, в ванную, умывала, поила чаем и укладывала снова в постель» [Улицкая 2006]. Повествование, включающее перечисление ежедневных монотонных

действий героини, демонстрирует, как стойко она выполняла долг — заботилась о дочери и внучках, которых «принимала как дар небес, любовно и благодарно, стыдясь момента первой неприязни к ним» [Улицкая 2006]. Болезнь дочери стала ежедневным напоминанием об ошибке, которую она совершила. Тем не менее, героиня выдержала все превратности жизни, не сдавалась и не отчаялась.

Лаконичны и конкретны фрагменты повествования, в которых бабушка, управляющая повседневностью семьи, выступает второстепенным персонажем: «Эмма Ашотовна, бабушка, забрала девочек домой» [Улицкая 2006], «Эмма Ашотовна умоляюще махала руками» [Улицкая 2006], «иногда бабушка приводила их поиграть на ковре» [Улицкая 2006], «внесла на подносе стакан в просторном подстаканнике, два чайничка и плетеную корзинку с ореховым печеньем... Потом Эмма Ашотовна внесла тазик, кувшин с теплой водой и непомерно длинное полотенце» [Улицкая 2006], «В обед пришла Эмма Ашотовна и повела их домой» [Улицкая 2006], «бабушка разрешила им из-за жары спать в беседке, а не в доме» [Улицкая 2006], «бабушка в синем горохами платье уже шла к сараю» [Улицкая 2006], «Эмма Ашотовна остановилась, как будто у нее завод кончился» [Улицкая 2006], «Эмма Ашотовна кинулась к Фене... Эмма Ашотовна звонила по телефону родителям одноклассниц» [Улицкая 2006].

Эмма Ашотовна и другие «взрослые люди» семьи

Семья, жизнь которой всеми силами поддерживает Эмма Ашотовна, состоит из дочери, зятя и внучек. Это своеобразная семья, в которой только один взрослый — это Эмма Ашотовна. Вся её жизнь подчинена заботам о внучках: «мать слабо реагировала на них, отец страдал от одного факта их существования, и только бабушка принимала их как дар небес, любовно и благодарно, стыдясь момента первой неприязни к ним» [Улицкая 2006]; о больной «умственным параличом» дочери и нерешительном зяте: «Эмма Ашотовна металась между орущими внучками, безучастной дочерью и безмолвным зятем» [Улицкая 2006].

Особенно ярко образ сильной женщины Эммы Ашотовны рисуется благодаря контрасту с образом ставшего беспомощным зятя: «Серго бурно, в голос, зарыдал, и Эмме Ашотовне пришлось дать ему хорошую дозу валерьянки, прежде чем он впилился в толстое ватное пальто... Серго окончательно стало дурно, он побледнел и повалился на случайно подвернувшийся стул. Понюхав нашатыря, он пришел в себя, и тут уж Эмма Ашотовна взяла своего зятя под руку и повела через Садовую, по Спиридоновке, через Никитскую к дому, в Мерзляковский переулок» [Улицкая 2006].

Психологическая атмосфера в доме была тяжёлой — «в этой семье разговаривали только девочки либо с девочками... Маргарита, Серго, Эмма Ашотовна – произносили постоянно лишь внутренние монологи. Это была печальная музыка семейного безумия, женского неразрешимого укора и мужского столь же неразрешимого упрямства» [Улицкая 2006]. Только сильный стресс — уход из дома Гаяне — прервал напряженное молчание взрослых. Очнулась Маргарита, сблизилась, пережив чудовищные переживания, зять и теща. Но именно Эмма Ашотовна смогла пробить стену молчания и найти силы для небывалого – обратилась к нему с вопросом: «– Сережа, что же это такое с ней случилось, а?» [Улицкая 2006]. И Серго, считавший тещу ведьмой, назвал её мамой: «– Бог знает, мама. Совсем ничего не понимаю: все есть у девочки, – сказал он с более сильным, чем обычно, акцентом. Они давно уже выглядели ровесниками, пятидесятилетний Серго и шестидесятилетняя Эмма Ашотовна» [Улицкая 2006].

В финале рассказа все герои словно проснулись от каталептического сна: «Маргарита встала. Причесанная и одетая, она стояла на стуле, установленном на середине обеденного стола, и вытирала влажной тряпкой хрустальные сосульки люстры» [Улицкая 2006], «Виктория, проснувшись к тому времени... зевнула, вытянула ноги и потянулась» [Улицкая 2006], «в это же самое время проснулась и Гаяне. Она выпрямила затекшие ноги» [Улицкая 2006]. Жизнь словно вернулась в нормальное русло

с хлопотами, стряпнёй и разговорами: «– Я чуть с ума не сошла, – тихо сказала Маргарита. – Mamочка, сделай на обед плов», «потом Маргарита подняла глаза на вошедшего в комнату мужа и обратилась к нему впервые за много лет: – Серго, помоги мне слезть. Я посмотрела, люстра такая пыльная» [Улицкая 2006], «“Какая все же Гайка дурочка... Подарю ей мою американскую собачку”, – великодушно решила она. Вылезла из постели, отыскала ленд-лизовскую собачку и посадила сестре на подушку – плюшевого свидетеля своей беспокойной совести» [Улицкая 2006]. И только Эмма Ашотовна лишилась сил: «потрясенная Эмма Ашотовна плавно опустила на тахту». Но слабость длилась недолго — в момент пробуждения Гаяне «бабушка сидела возле нее на стуле, сверкая алмазными серьгами, и счастливо улыбалась красно покрашенными губами» [Улицкая 2006].

Итак, филологический анализ показал, что все аспекты изображения Эммы Ашотовны воплощают образ сильной женщины — главы семьи, матриарха. Её имя — единство противоположностей: европейское происхождение имени и восточное — отчества; интертекстуальный потенциал имени, в частности, включенность в контекст романтической литературы и истории королевских семей; древняя история имени армянских царей, отраженная в отчестве. Даже этимология имени Эмма противоречиво андрогинная: её можно возводить к образу «вечной женственности»: «(F)emm(e)», а можно к герм.: «ermin», «herman»/«homme»/«мужчина».

Особая порода и нрав сильной женщины ярко иллюстрируется противопоставлением величественного и тяжелого обыденного: крупные перстни — набухшие суставы; высокомерные руки — старые кораллы; сверкала крупными камнями — изработанные руки; говорила торжественно и одновременно обыденно. Неоднократно используется приём контраста, например, внутреннее и внешнее: отчаянно кричала ее душа — продолжала говорить с лицом спокойным и радостным; беспомощности дочери и зятя — методичная самоотверженность бабушки; ошибочные поступки, вызванные суевериями — раскаяние и работа над их исправлением. Сложность сильной натуры Эммы Ашо-

товны воплощается в единстве противоположных качеств личности: мудрости и суеверия, рассудительности и мнительности, проницательности и невнимательности, категоричность и гибкость. Но ценнее силы и решительности в противоречивом и самобытном образе бабушки способность признать ошибки, работать над их исправлением, сделать первый шаг к примирению, понять и простить ради благополучия близких.

Яркость образа усиливается в контексте сравнения сильной, но гибкой Эммы Ашотовны с «тонкой, нежной», беспомощной, пребывающей в беспамятстве дочерью и зятем — «участником всех больших танковых сражений войны», монументальным крупным человеком, вдруг ставшим слабым, окаменевшим и безмолвным.

Рутинная повседневная забота Эммы Ашотовны, с которыми она справлялась стоически, передаётся с помощью нанизывания глаголов движения: поднимала, вела, умывала, поила, укладывала, пришла, повела, взяла, внесли, шла, остановилась. Глаголы изменения состояния передают сложную гамму чувств героини в трудные моменты жизни: улыбалась, потрясенная, металась, остро чувствовала, страшно мучилась, испытывая чувство вины и др.

Внешность героини создаётся яркими и густыми мазками: это армянка шестидесяти лет с «крупной головой и большими волосами», «сильными темными глазами», «строгими бровями», с «красивым низким голосом с гортанными, никогда не исчезающими у армян звуками», в «старом шелковом платье павлиньего цвета». Но самой значимой деталью, описывающей и внутреннее состояние, и внешность героини стали руки — натруженные пальцы с больными суставами — и тяжелые старинные перстни с кораллами. Приёмы контраста и синекдохи объединяют роскошь старинных дорогих перстней и усталость сильных натруженных повседневными хлопотами рук.

Сила и мудрость Эммы Ашотовны основаны на том, что автор называет «породой» — традициях старинного армянского рода, на испытаниях, выпавших на её долю во время войны, во время болезни и после смерти мужа — «Александра Арамо-

вича, крупного востоковеда, знатока десятка мертвых и полумертвых языков» и после рождения внучек. Тем же питались и её странности, страхи и суеверия.

Таким образом, самобытность образа воплощается в единстве противоположностей, контраст, как внутри она героини, так и в системе персонажей рассказов «Чужие дети» и «Подкидыш» является основным приёмом создания образа Эммы Ашотовны. Так же используются ряды однородных членов, лексические повторы, эпитеты и синекдоха.

Указанные изобразительно-выразительные средства и приёмы позволяют создать образ сильной женщины, героини, с одной стороны, эпического масштаба — матриарха, мифической воительницы и созидательницы, с другой стороны, фемини вполне современной, работавшей на «хорошей должности в управлении», наконец, статной красавицы, достойной романтического сонета — дочери богатого древнего армянского рода и жены профессора, «крупного востоковеда, знатока десятка мертвых и полумертвых языков крупного востоковеда, знатока десятка мертвых и полумертвых языков» [Улицкая 2006].

Библиография

- Улицкая Л., *Девочки: Повести. Рассказы*, Москва, Изд-во Эксмо 2006. 295-413.
- Абдуллина А. Ш., *О женском в повести «Сонечка» Л. Улицкой*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2017, <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhenskom-v-povesti-sonechka-l-ulitskoj>.
- Ремизова М. А., *GRANDES DAMES прошедшего сезона*, <https://magazines.gorky.media/continent/2002/112/grandes-dames-proshedshego-sezona.html>.
- Иванова М. А., *Козьей мордой луна*, <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/1/kozej-mordoj-luna.html>
- Щеглова Е. А., *Художественная литература и критика*, <https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/hudozhestvennaya-literatura-i-kritika-7.html>.
- Дугина И. А., *Художественная литература и критика*, <https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/hudozhestvennaya-literatura-i-kritika-7.html>.
- Игрунова Н.А., *Обрыв связи*, <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/1/obryv-svyazi.html>.
- Брейнингер О. Д., *Самостоятельная система*, 2019, <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/10/samostoyatel'naya-sistema.html>.

- Ермошина Г. А., *Биологический эксперимент*, 2004, <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2004/4/biologicheskij-eksperiment.html>
- Осьмухина О. Ю., *В поисках утраченной толерантности*, 2011, <https://voplit.ru/article/v-poiskah-utrachennoj-tolerantnosti-lyudmila-ulitskaya>.
- Безрукавая М. В., *Л. Улицкая как автор художественно-мировоззренческого проекта*, 2016. <https://moluch.ru/archive/116/31298>.
- Бочаров С. Г., *О художественных мирах*, Москва 1985.
- Кадацкая Е. Д., *Реализация гендерных стереотипов в образе главной героини романа Людмилы Улицкой «Медя и ее дети»*, [в:] «Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказа», Материалы Международной научно-практической конференции, 2018.
- Глазinskая Е. Т., *Женщина и женственность в творчестве Л. Улицкой*, [в:] *Психологические и педагогические проблемы в системе непрерывного образования: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции*, 2017.
- Абдуллина А. Ш., Латыпова Е. Э., *Женские образы в прозе Л. Улицкой*, «Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки» 2017 № 3 (399).
- Воробьева С. Ю., *Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медя и ее дети» (гендерный аспект)*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика» 2013, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-i-muzhskie-obrazy-v-romane-l-ulitskoj-medya-i-ee-deti-gendernyy-aspekt>.
- Меркулова Н. В., *Имя «ЕММА» в аспекте интертекстуальности (на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари»)*, 2016, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27190464>.
- Сартаева Л. Ю., *Личные имена представителей армянской диаспоры в поликультурном пространстве Краснодарского края*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnye-imena-predstaviteley-armyanskoj-diaspory-v-polikulturnom-prostranstve-krasnodarskogo-kraja>.

Experience of philological analysis of the image of a strong woman in L. Ulitskaya's prose (based on the stories «Other people's children» and «Foundling»)

Philological analysis of the image of the main heroine of L. Ulitskaya's stories „Stranger's Children” and „Foundling” – Emma Ashotovna assumed the study of the semantics and etymology of the heroine's name, expressive means of depicting the inner world and the appearance of the character through the prism of percep-

tion of the narrator and other characters, stylistic methods of describing gestures, facial expressions of the hero, his actions and deeds, etc.

It has been established that the original image of the heroine is formed mainly due to the method of opposition in the structure of the onym, the image, the system of images, for example, the categories of male and female, internal and external, solemn and ordinary, the attributes of luxurious archaism and wretched modernity, characteristics of helplessness and strength, petrified and flexible, superstitious and scientific. It is indicated that in the description of appearance, lexical repetition, epithets, opposition and synecdoche are used, in the narration of the heroine's everyday life – stringing verbs of movement, about the emotional state – verb forms of the state.

All means of expression and stylistic devices form the image of a matriarch – strong, firm and pragmatically labile, insightful, wise and superstitious, archaic and modern, capable of making mistakes and admitting guilt.

Keywords: image of a strong woman, pictorial and expressive means, philological analysis

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Иннеса Игоревна, доцент кафедры Теории языка и методики обучения русскому языку Историко-филологического факультета.

Кандидат филологических наук.

Ким Вероника Сергеевна, бакалавр Историко-филологического факультета.

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск).

e-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Babenko Innesa Igorevna, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Methodology of teaching the Russian language of the Faculty of History and Philology.

Candidate of Philology.

Kim Veronika Sergeevna, student of the Faculty of History and Philology.

Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).

e-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Дин Цзэпэн

Традиционное и новое в научном описании китайского этикета

Статья посвящена анализу некоторых особенностей научного описания китайскими специалистами традиций и новаций китайского этикета в целом и делового этикета в частности. Автор делает обзор актуальных публикаций, посвященных современным подходам к решению проблем общения с клиентами и с партнерами, межкультурной коммуникации с иностранными партнерами. Подробно описываются аксиомы китайского этикета как традиционные, сформулированные более четырех тысяч лет назад, так и актуальные, вызванные современной геополитической ролью Китая в мире.

Ключевые слова: этикет, вежливость, церемония, китайский этикет, деловой этикет.

Актуальность изучения этнокультурной специфики этикета, связанного с деловой сферой, обусловлена тем, что формулы делового этикета «обслуживают» важную сферу деятельности современного человека, постоянно пополняются новыми элементами, взаимодействуют с исконными и заимствованными элементами и являются важной частью языка и культуры как традиционной, так и современной.

В процессе глобализации люди разных культур становятся все ближе, особенно с точки зрения экономических обменов и деловых отношений. Деловые люди с разными культурными традициями, разными взглядами на мир и ценностями неизбежно сталкиваются с различными проблемами и конфликтами в процессе межкультурного общения.

В нашем исследовании мы опишем некоторые особенности рассмотрения китайскими специалистами проблем делового этикета в нескольких аспектах: аксиомы китайского этикета,

общение с клиентами и с партнерами, межкультурная коммуникация с иностранными партнерами.

Очевидно, что способность эффективно общаться стала основным фактором успешности достижения бизнес-целей. Стоит отметить, что деловой этикет играет очень важную роль во всей межкультурной деловой коммуникации.

Актуальность изучения данной проблемы очевидна, например, Луан Юаньюань в статье, посвященной деловому этикету и работе с клиентами, пишет, многие компании осознают, что важно слышать и понимать клиентов, удовлетворять их потребности и поддерживать с ними хорошие отношения для получения конкурентных преимуществ в условиях жёсткой рыночной борьбы. Поэтому вопросы деловой коммуникации, проблемы управления взаимоотношениями с клиентами осознаются как важные, а создание, развитие и поддержание высокого уровня деловой коммуникации — как стратегическая цель. Взаимодействие между компанией и клиентом стало центром внимания и бизнесменов, и ученых.

Межкультурная коммуникация в деловой сфере часто сталкивается с непреодолимыми барьерами, вызывающими недопонимания и даже конфликты. Поэтому китайские ученые рассматривают данные вопросы, например, Ли Цзиньин в статье, посвященной российскому кодексу этикета пишет, что все страны и народы придают большое значение цивилизованному общению, и важно помнить, что для создания хорошей социальной атмосферы во время переговоров, необходимо учиться, знакомиться с этикетом народом других стран. Такое знание позволит обеспечить высокий уровень межкультурных обменов. Поэтому в своей статье Ли Цзиньин знакомит читателей с некоторыми правилами этикета в повседневном общении россиян.

Более сложную проблему рассматривает Лю Сюцинь. Автор изучает языковые различия культуры китайского и западного этикета, рассматривает специфику рукопожатия, приветствия и застольного этикета в Китае и в Европе. Лю Сюцинь подчekiвает, что понимание этих различий может укрепить дружеские отношения и избежать конфликтов в межкультурном общении.

В данной статье мы подробнее остановимся на описании некоторых культурных особенностей китайского этикета, история которого насчитывает около пяти тысяч лет.

Луан Юаньюань в статье «Деловой этикет и управление взаимоотношениями с клиентами» пишет, что Китай — древняя цивилизация, известная как «империя этикета», и этикет здесь имеет долгую историю. Уже в период правления пяти легендарных императоров древнего Китая более четырех тысяч лет назад появились политический этикет, брачный этикет и др. Чуть позже, во время династий Ся, Шан и Чжоу был закреплен сословный этикет, например, в «Чжоу Ли или Чжоуских ритуалах» и в «Книге обрядов», а в Период «Вёсен и Осеней» и «Воюющих царств» были сформулированы основные нормы древнекитайского этикета, например, Конфуций подчеркнул значимость этикета в жизни человека: «Не усвоив этикета, не утвердишься», а Ланг Цзиньсун — в существовании государства: «церемония стала не только признаком жизни, стандартом самодисциплины, стандартом общения, но и важным содержанием общественного порядка, политической системы и правового кодекса».

Луан Юаньюань отмечает, что в китайском обществе есть три наиболее часто используемых значения слова *этикет* (禮儀 / Lǐyí / Ли): этикет, вежливость, церемония. В разговорной речи эти значения часто смешивают, но в академических исследованиях необходимо проанализировать их определения для дальнейшего правильного определения специфики китайского делового этикета. Луан Юаньюань определяет, что вежливость фокусируется на описании воспитанности людей, то есть в межличностном общении, в демонстрации собеседнику скромности и уважения словами и действиями. Этикет, как правило, относится к речевым формулам, используемым людьми в коммуникативных ситуациях, чтобы показать уважение и дружбу, то есть к конкретному выражению вежливости в ситуациях. В целом, этикет и вежливость соотносятся так: вежливость проявляется в разных формах и формулах речевого этикета. Церемония — это термин, объединяющий понятия этикета и вежливости, это ритуал, который предполагает

стандартизированное поведение, демонстрирующее уважение к себе и другим, самодисциплину в межличностном общении. Содержание и форма церемонии определяется в зависимости от региона и обычаев. Можно сказать, что церемониальность — понятие более глубокое и широкое, чем этикет и вежливость, это сложная система этикетных ритуалов, демонстрирующих уважение и дружбу.

В китайской традиции существует несколько подходов к определению 禮儀 / Lǐyí / Ли, то есть этикета в широком смысле слова. С точки зрения личного совершенствования этикет является внешним выражением внутренних качеств человека. Вежливость и этикет — это то, чему люди должны научиться, это результат их образования. Личное воспитание часто демонстрируется в признании и применении различных форм этикета. С моральной точки зрения этикет — это кодекс поведения, то есть социально принятые и поощряемые правила поведения. С точки зрения норм коммуникации этикет — это искусство межличностного общения, включающее те приёмы, которые позволяют достичь коммуникативного успеха.

В аспекте фольклора и древних традиций Китая этикет — это сформированная воспитанием привычка уважать себя, проявляя уважение и доброжелательность к окружающим. Необходимо учитывать и уважать интересы другого человека: назначать встречи с точки зрения удобства общения, помнить, что этикет — это искусство общения, коммуникация в эстетическом аспекте. Китайские церемонии со стороны всегда выглядят торжественно и элегантно, они воплощают представление этноса о внешней красоте и красоте духа.

Китайские традиции этикета, правила вежливости и доброжелательности основаны на нескольких принципах. Во-первых, значимой является идея Конфуция о ядре «禮儀 / Lǐyí / Ли» — это уважение к другим. Воспитанный уважаемый человек в деловой коммуникации должен уважать себя и людей, с которыми он общается, должен понимать и ценить кодекс делового этикета. Во-вторых, в деловом этикете должна быть самодисциплина, особенно с учетом правила «не навреди дру-

гим». В-третьих, деловой этикет — это психологическая основа делового взаимодействия, то есть умение мыслить, как твой собеседник, способность понять точку зрения другого и решить проблему взаимовыгодно. В-четвертых, люди часто неправильно понимают, как взаимодействовать, поэтому церемонии, установленные для делового этикета создают хорошую атмосферу для взаимного общения, делают встречу партнеров предсказуемой и понятной. В-пятых, деловой этикет требует, чтобы собеседники во время общения поддерживали равенство друг друга и не рассматривались по-разному в зависимости от возраста, пола, этнической принадлежности, богатства и т. д. В-шестых, несмотря на быстрое распространение информации в современном обществе, различия в деловом этикете все еще существуют, поэтому необходимо понимать этикет не только современных деловых контактов, но и придерживаться традиционных обычаев. В-седьмых, следует также обратить внимание на необходимость посредника, модератора, который участвует в обсуждении и решении коммуникативных задач.

В целом, как пишет Луан Юаньюань, этикет формируется людьми в социальных взаимодействиях под влиянием исторических традиций, обычаев, религиозных верований, тенденций времени и других факторов, которые признаются и соблюдаются людьми с целью установления гармоничных отношений. Вежливость, этикет и церемонии — это сумма различных этических норм и требуемых кодексов поведения, сформированных обычаями и общими представлениями об эффективности общения представителей этноса или социальной группы, эти правила должны не только сохранять древние традиции, но и отражая дух времени, идти с ним в ногу.

Рассматривая особенности делового этикета, Цзинь Чжэнкунь определил два аспекта делового этикета: во-первых, внешняя сторона — это правила речевого поведения, манеры, внешность и наряд делового человека, во-вторых, внутренняя сторона — это уважение к людям — участникам делового взаимодействия. Успех деловой коммуникации определяется и внешним, и внутренним аспектами деловой коммуникации.

Чжан Сяоян так же проанализировал специфику внешней стороны делового этикета, называя этот аспект инструментальным этикетом, и отметил, что это базовые правила деловой активности. Внешний вид — это не только профессиональное выступление, но и уважение к партнерам. Одежда, манеры речи и поведение должны соответствовать возрасту, профессии, случаю, индивидуальности и социальному статусу делового человека. Чжан Сяоян напоминает, что необходимо во время деловой беседы демонстрировать спокойствие и порядочность, обращать внимание на настроение собеседника, быть вежливым и дружелюбным, но не смиренным. Нужно не только проявлять доброжелательность и дружелюбие внешне, но и испытывать эти чувства внутри. Деловой человек должен быть достаточно смиренными, но он не должен бояться собеседника, демонстрирующего плохие манеры, например, жадность или высокомерие.

Китайские исследователи делового этикета отмечают, что правила современного делового этикета, преимущественно международного, быстро меняются, постоянно появляются новые его детали, так как традиционные модели поведения и ритуалы больше не отвечают требованиям времени из-за изменений в сфере политики, экономики, общества и технологий. Например, из-за развития движения феминисток в различных странах и постоянного внимания к ситуации с правами человека необходимо знать, как избежать в ситуациях делового общения проявлений традиционного этикета, допускающих дискриминацию по признаку пола, расы, возраста. Если вы не знаете, какие формы поведения дискриминируют других, если вы все еще не видите таких изменений, вы не сможете избежать подобных проблем. Это вызовет ненужные неприятности.

Очевидно, что этнорегиональная специфика этикета определяется мировоззренческими особенностями этноса, культурно-историческими и многими другими факторами. Например, культурные концепции Азии и Европы существенно различаются и представления об этикете не похожи, поскольку соответствуют национальным особенностям. Это создает серьезные

проблемы или частные недоразумения в межкультурной коммуникации, в частности, во время деловых переговоров. Чтобы решить эту проблему, анализ различий в деловом этикете является горячей точкой исследования, и его точка зрения в основном сосредоточена на различиях между Китаем и Западом.

Деловой этикет формируется в долгосрочных деловых отношениях людей и не может быть отделен от конкретного исторического фона. В то же время деловой этикет меняется с развитием социальной истории и имеет отличительный характер времени. В эпоху экономической глобализации деловые обмены между различными странами, регионами и этническими группами становятся все интенсивнее, соответственно возникают проблемы взаимодействия различных кодексов делового этикета. Зная это, нельзя считать деловой этикет суммой правил, написанных раз и навсегда, необходимо понимать, что правила общения постоянно меняются под влиянием различных факторов, необходимо учиться, нужно быть готовым к постоянным изменениям, чтобы вести себя уместно, добиваясь успешности деловой коммуникации.

Библиография

- Ли Цзиньин, *Российский кодекс этикета*, „Северная литература” 2019, № 20. С.18–23. 俄罗斯人的行为规范礼仪
- Луан Юаньюань, *Деловой этикет и управление взаимоотношениями с клиентами*, Университет Тяньцзиня, 2013, с.5–8. 商务礼仪与顾客关系管理
- Лю Сюцинь, *Изучение языковых различий между культурой китайского и западного этикета*, „Журнал Шаньси университета радио и телевидения”, 2019. № 2, с. 58–61. 中西礼仪文化的语言差异研究
- Цзинь Чжэнкунь, *Краткое обсуждение делового этикета*, „Журнал Пекинского университета технологий и бизнеса” (Издание по общественным наукам), 2005, № 1, т. 20, с.15–24. 商务礼仪简论
- Чжан Сяоян, *Основные нормы делового этикета и разница между китайским и западным деловым этикетом*, „Журнал Нормального университета Нинся” (издание по общественным наукам), 2012, № 5, т. 33, с. 157–158. 商务礼仪的基本规范与中西方商务礼仪的差别

Traditional and new in the scientific description of Chinese etiquette

The article is devoted to the analysis of some features of the scientific description by Chinese experts of the traditions and innovations of Chinese etiquette in general and business etiquette in particular. The author reviews current publications on modern approaches to solving the problems of communication with clients and partners, intercultural communication with foreign partners. The article describes in detail the axioms of Chinese etiquette, both traditional, formulated more than four thousand years ago, and actual, caused by the modern geopolitical role of China in the world.

Key words: etiquette, politeness, ceremony, Chinese etiquette, business etiquette.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дин Цзэпэн, магистрант кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Историко-филологического факультета.

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск).

e-mail: www.52tingqq.com@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Ding Jie Peng, Master's student of the Department of Theory of Language and Methodology teaching the Russian language of the Faculty of History and Philology.

Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).

e-mail: www.52tingqq.com@qq.com

Бабенко И. И.

Ведрова Т. А.

**Специфика репрезентации
тематической группы
«информационно-коммуника-
ционные технологии»
в нормативных документах сферы
общего образования РФ**

Статья посвящена анализу употребления ИКТ-терминологии в нормативных документах сферы образования, а именно во ФГОС основного общего образования (5–9 классы) и ФГОС среднего общего образования (10–11 классы) РФ. Авторы описали специфику тематической группы «ИКТ» в образовании, определили типы единиц, входящих в неё, выявили следующие тематические сегменты группы: «информационно-образовательные процессы», «результаты ИКТ в образовании», «устройства, инструменты и помещения». Установили специфику распределения изучаемых единиц в структуре нормативных документов, указали частотность наиболее значимых из них, выявили и обосновали общее и различное в актуализации единиц тематической группы «ИКТ» в каждом документе.

Ключевые слова: ИКТ, тематическая группа, ФГОС, информационные технологии в образовании

Формирование цифровой образовательной среды является важнейшей задачей современной России, обеспечивающей стратегическое развитие цифровой экономики страны в целом, повышающей конкурентоспособность России в мировом информационном пространстве. Эти задачи воплощены в «Стратегии

развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г.] и в «Концепции информационно-образовательной среды открытого образования Российской Федерации» [Концепции информационно-образовательной среды].

В соответствии с «Концепцией информационно-образовательной среды открытого образования Российской Федерации» необходимо обеспечить «доступность качественного образования независимо от места жительства, социального и материального положения семей обучающихся, самих обучающихся и состояния их здоровья, а также обеспечение максимально равной доступности образовательных программ и услуг дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования и др. путем установления координационных и регуляционных мер и механизмов для всех участников информационного образовательного взаимодействия». Результатами воплощения данной Концепции станет существенное изменение системы образования. Модернизация и информатизация всех уровней образования должны обеспечить 90% общеобразовательных учреждений средствами электронного обучения, более того, авторы документа планируют увеличение доли образовательных услуг, оказываемых дистанционно, расширение рынка образовательных приложений, ресурсов и сервисов. Кроме этого планируется создание условий для получения образования с частичным или полным применением дистанционных и электронных способов освоения образовательных программ, финансируется создание инфраструктуры открытых данных и ЕИОС. Все эти изменения в организации и содержании образования требуют развития новых и актуальных, соответствующих вызовам времени, профессиональных компетенций выпускника педагогического университета. Например, будущий педагог-словесник должен не только владеть информационно-коммуникационными технологиями в профессиональной сфере, но и понимать значение новейшей терминологии данной тематической группы, уместно и грамотно их использовать в педагогическом дискурсе.

Однако очевидно противоречие между необходимостью использовать достижения информационно-коммуникационных технологий в образовании и отсутствием понимания, какая терминология тематической группы «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) должна стать частью профессионального тезауруса современного педагога-словесника.

Ключевыми для нашего исследования понятиями являются следующие: **тематическая группа** и **информационно-коммуникационные технологии**.

Понятие „тематическая группа” определяется во многочисленных источниках, например, в учебном пособии Э. В. Кузнецовой «Лексикология русского языка», в книге М. М. Покровского «О методах семасиологии», в Энциклопедии Ю. Н. Караулова «Русский язык», в справочнике П. А. Леканта «Современный русский литературный язык» выделяется общий, морфологически обусловленный, компонент значения, «совокупность большего числа слов одной части речи, объединяемых общим понятием (семой)» [Лекант, 2013]. Мы считаем наиболее адекватным цели нашего исследования определение, данное Л. Ф. Алефиренко: «тематическая группа — совокупность слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [Алефиренко, 1981]. В нашем исследовании экстралингвистическим параметром объединения лексики в тематическую группу является возникновение новой научно-технической сферы, связанной с информационными технологиями. Ядерной лексемой — номинантом тематической группы является аббревиатура ИКТ (информационно-коммуникационные технологии). Единицами тематической группы являются, во-первых, **общеупотребительные лексемы** (информация, компьютер, программа), во-вторых, **лексемы научно-технического подстиля** (алгоритмизированный, браузер, геоинформационный, мультимедиа), в-третьих, **лексемы, образованные сложением основ или слов** (аудиовидеоматериалы, информационно-образовательный, медиа-ресурсы, интернет-приложение), в-четвертых, **сверхсловные единицы**, характеризующиеся идиоматичностью в речи современных но-

сителей языка (поисковая система, операционная система, язык программирования, информационная безопасность).

Собственно информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) понимаются как «методы, способы и алгоритмы сбора, хранения, обработки, представления и передачи информации... при персональной, массовой и производственной коммуникации, а также все технологии и отрасли, интегрально обеспечивающие перечисленные процессы» [Пегов, Пьяных, 2010].

Для лингвистики вопросы описания лексического наполнения тематических групп давно не являются проблемными. Исследователи лишь дополняют, совершенствуют методологию выявления и описания явления, расширяют материал, выходят за рамки изучения одного языка в сферу сравнительно-сопоставительных исследований. Например, О. Ю. Мельник [Мельник, 2004] рассматривает национально-культурные особенности английского и русского образов языкового сознания, отраженных в тематической группе «Работа. Профессия». Лексико-семантические явления тематического характера в системах биржевых терминов французского и русского языков анализирует М. В. Файбушевский [Файбушевский, 2018]. Заимствованные слова в тематической группе «бизнес и предпринимательство» в тувинских средствах массовой информации рассматривает Т. П. Томилова [Томилова, 2018]. Сравнительно-сопоставительный анализ тематических групп слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках представлен в статьях Х. И. Тешаева [Тешаева, 2016].

Интерес лингвистов вызывает рассмотрение специфики лексико-семантического наполнения тематических групп в определенной языковой среде. Например, тематическая группа «наименования игрушек» в детских словарях рассматривается в статье Н. О. Войновой и С. А. Смирновой [Войнова, Смирнова, 2020]. В статье А. Г. Гатаулиной и Р. Р. Заляловой изучаются семантические и словообразовательные особенности неологизмов тематической группы «образование», устанавливается их функциональная специфика [Гатаулина, Залялова, 2019].

Анализ научных публикаций, посвященных проблемам определения и описания тематических групп в русском языке, показал, что данные вопросы, несмотря на устойчивый интерес исследователей, актуальны и требуют дальнейших изысканий. Особенно своевременными можно считать работы, в которых расширяются рамки изучаемого материала, например, за счет тех текстов и тематических групп, которые ранее не попадали в поле зрения лингвистов.

Для рассмотрения специфики актуализации тематической группы «ИКТ» в нормативно-правовых документах учителя русского языка и литературы средней общеобразовательной школы были выбраны в качестве материала Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 классы) [Федеральный государственный образовательный стандарт] и Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 классы) [Федеральный государственный образовательный стандарт].

Сравнительно-сопоставительный анализ указанных документов позволит установить, в каких разделах документов содержится лексика, связанная с ИКТ, и есть ли отличия в её использовании.

Обязательным разделом ФГОС является описание метапредметных результаты освоения основной образовательной программы, именно здесь впервые упоминается наиболее значимая для данных документов лексема — **ИКТ-компетенция** или **умение**. Причем, во ФГОС основного общего образования данная компетенция названа как «**компетентность в области использования информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ – компетенции)**» и предполагает «развитие мотивации к овладению культурой **активного пользования** словарями и другими **поисковыми системами**».

В тексте ФГОС среднего общего образования вместо ИКТ-компетенции упоминается умение: «умение использовать средства информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ) с соблюдением ... норм информационной безопасности».

Отметим, что в описании предметных результатов освоения основной образовательной программы как основного общего, так и среднего общего образования ИКТ упоминается в контексте нескольких предметных сфер, но в предметной области «Филология», включающей «Русский язык. Родной язык», «Литература. Родная литература» лексика рассматриваемой тематической группы не упоминается. Укажем предметные области, в которых встречается искомая лексика. Во ФГОС основного общего: «Математика и информатика», «Искусство» и «Технология»; во ФГОС среднего общего образования: «Математика и информатика», «География» и «Экономика».

Сравним содержание результатов освоения предметной области «Математика и информатика» во ФГОС основного общего и ФГОС среднего общего образования соответственно:

1) осознание значения математики и информатики в повседневной жизни человека; понимание роли информационных процессов в современном мире», информационная культура, компьютер как универсальное устройство обработки информации, компьютерные устройства, язык программирования, программные средства обработки данных, навыки и умения безопасного и целесообразного поведения при работе с компьютерными программами и в интернете, умения соблюдать нормы информационной этики и права;

2) представление о роли информатики и ИКТ в современном обществе, понимание основ правовых аспектов использования компьютерных программ и работы в Интернете... представлений о компьютерных сетях и их роли в современном мире; знаний базовых принципов организации и функционирования компьютерных сетей, норм информационной этики и права, принципов обеспечения информационной безопасности, способов и средств обеспечения надёжного функционирования средств ИКТ, использование готовых компьютерных программ при решении задач, знание основных конструкций программирования, представление о компьютерно-математических моделях, о базах данных и средствах доступа к ним, о компьютерных средствах представления и анализа данных,

о среде программирования, об устройстве современных компьютеров, о тенденциях развития компьютерных технологий; о понятии «операционная система», об общих принципах разработки и функционирования интернет-приложений, о библиотеках программ.

Очевидно, что контекст ФГОС среднего общего образования шире описывает сферу ИКТ и использует специализированную тематическую лексику, указывающую на более сложные и абстрактные понятия, связанные с принципами и нормами функционирования ИКТ.

В предметной области «География» и «Экономика» во ФГОС среднего общего образования упоминаются соответственно геоинформационные системы и поиск актуальной экономической информации в различных источниках, включая Интернет.

Отсутствие во ФГОС основного общего образования лексики тематической группы ИКТ в области географии и экономики вполне компенсируется содержанием предметных областей «Искусство» и «Технология». Находим соответственно: «опыт работы с различными художественными материалами и в разных техниках ... в том числе базирующихся на ИКТ (цифровая фотография, видеозапись, компьютерная графика, мультипликация и анимация)» и «развитие умений применять технологии представления, преобразования и использования информации, оценивать возможности и области применения средств и инструментов ИКТ в современном производстве или сфере обслуживания». Различия в данном случае обусловлены спецификой предметного содержания основной образовательной программы, регламентированной каждым из ФГОС.

В следующих разделах данных документов ИКТ-терминология повторяется в иных аспектах, например, в содержании требований к структуре основной образовательной программы, в конкретизации универсальных учебных действий и др. Однако в Программе воспитания и социализации обучающихся ФГОС основного общего образования находим новые единицы данной тематической группы в следующем контексте: «использование средств психолого-педагогической поддержки обуча-

ющихся и развитие консультационной помощи ... в том числе компьютерного профессионального тестирования и тренинга».

В требованиях к кадровым условиям реализации основной образовательной программы и того, и другого документа находим одиноковые единицы рассматриваемой тематической группы: информационно-образовательная среда, дистанционные образовательные технологии, автоматизированные рабочие места, лингафонные кабинеты, информационно-библиотечные центры, медиатека; учебное лабораторное оборудование цифрового (электронного) измерения, виртуальные лаборатории, ИКТ-инструменты художественного творчества; проектирования и конструирования, в том числе модели с цифровым управлением и обратной связью, конструкторы управления объектами; системы программирования; цифровые планы и карты, музыкальные инструменты с использованием цифровых технологий; компьютерные технологии по изучению правил дорожного движения, информационные ресурсы Интернета, медиа-ресурсы на электронных носителях, множительная техника, аудиовидеоматериалы, текстовые редакторы, электронные таблицы, электронная почта и браузер, мультимедийное оборудование, виртуальные лаборатории, коммуникационные каналы, информационно-методическая поддержка.

Таким образом раздел «Требования к условиям реализации основной образовательной программы» содержит обширную и идентичную номенклатуру ИКТ-терминологии, объединенных подтемой «устройства и инструменты, помещения». Лексемы этой подгруппы единичны, так как описывают необходимую для образовательных учреждений материально-техническую базу, например, автоматизированное рабочее место (1/1)¹, аудиовидеоматериалы (1/1), множительная техника (1/1), виртуальная лаборатория (1/1), лингафонный кабинет (1/0), медиатека (1/1), мультимедиа (1/2) и др.

Укажем так же и некоторые частотные для данных документов единицы: ИКТ (12/9), информатика (8/14), информаци-

¹ В скобках через «/» указывается количество словоупотреблений лексемы в каждом из документов.

онный (39/42), компьютерный (5/13) и ИОС – информационно-образовательная среда (7/5), электронный (7/9), цифровой (8/5).

Изучаемые единицы во ФГОС основного общего образования отличаются преимущественно предметной направленностью и общеупотребительным характером. Наоборот, во ФГОС среднего общего образования наряду с предметной высока частотность абстрактной лексики научно-технического характера, лексем тематической группы больше, они разнообразнее, что объясняется более сложными задачами данного уровня образования. В целом, в данных документах мы насчитали более 30 единиц тематической группы и более 200 их словоупотреблений в каждом ФГОС. Отметим, что во ФГОС основного общего образования лексических единиц меньше, но каждая из найденных употребляется чаще, тогда как во ФГОС среднего общего образования номенклатура больше, но их частотность ниже.

Анализ материала показал, что ИКТ-терминология активно используется в нормативном дискурсе современного образования. Можно говорить о том, что вся лексика рассматриваемой тематической группы может быть распределена на три сегмента: «информационно-образовательные процессы», «результаты ИКТ в образовании», «устройства, инструменты и помещения».

Таким образом, качественные и количественные различия в использовании терминологии тематической группы ИКТ во ФГОС обусловлены регламентируемым в документе уровнем образования, а сходство — единством требований к кадровым, материально-техническим и иным условиям реализации основной образовательной программы.

Библиография

- Алефиренко Л. Ф., *Теория языка: введение в общее языкознание*, Волгоград 1981.
- Войнова Н. О., Смирнова С. А., *Тематическая группа «наименований игрушек» в словарях детской речи*, „Международный журнал гуманитарных и естественных наук” 2020, № 1–2, с. 13–16.

- Гатаулина А. Г., Залялова Р. Р., *Неологизмы тематической группы «Образование» в современном русском языке*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики” 2019, № 6, с. 303-307.
- Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе (Краткий курс лекций)*, сост. Пегов А. А., Пьяных Е. Г., Томск 2010, <https://www.tspu.edu.ru/images/faculties/fmf/files/UMK/lek.pdf>.
- Кузнецова Э. В., *Лексикология русского языка*, Москва 1989, с. 84.
- Мельник О. Ю., *Сопоставительный анализ русского и английского языкового сознания на материале тематической группы «Работа. Профессия»*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2004.
- Покровский М. М., *О методах семасиологии*, Москва 1959.
- Русский язык: энциклопедия*, гл. ред. Ю. Н. Караулов, Москва 1997.
- Современный русский литературный язык*, ред. П. А. Леканта, Москва 2013.
- Тешаев Х. И., *Функционирование тематической группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Душанбе 2016.
- Томилова Т. П., *Займствованные слова в тематической группе «бизнес-предпринимательство» в тувинских СМИ на русском языке*, „Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки” 2018, № 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovannye-slova-v-tematicheskoy-gruppe-biznes-predprinimatelstvo-v-tuvinskih-smi-na-russkom-yazyke>.
- Файбушевский М. В., *Лексико-семантические особенности тематической группы «участники и роли участников биржевого рынка» на материале французского и русского языков*, „МНКО” 2018, № 6.

Нормативно-правовые и документальные источники

- Концепция информационно-образовательной среды открытого образования Российской Федерации, <https://docplayer.ru/30132939-Koncepciya-razvitiya-edinoj-informacionnoy-obrazovatelnoy-sredy-v-rossiyskoy-federacii-vvedenie.html>.
- Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.), <https://fgos.ru/>.
- Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (10–11 кл.), <https://fgos.ru/>.
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 „О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы”, <https://base.garant.ru/71670570/>.

The specifics of the representation of the thematic group «information and communication technologies» in the normative documents of the sphere of general education of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the use of IT terminology in the normative documents of the educational sphere, namely in the Federal State Educational Standard for basic general education (grades 5–9) and the Federal State Educational Standard for secondary general education (grades 10–11) of the Russian Federation. The authors described the specifics of the thematic group “IT” in education, identified the types of units included in it, identified the following thematic segments of the group: “information and educational processes”, “IT results in education”, “devices, tools and facilities”. We established the specifics of the distribution of the studied units in the structure of regulatory documents, indicated the frequency of the most significant of them, identified and substantiated the general and different in the actualization of units of the thematic group “IT” in each document.

Keywords: IT, thematic group, Federal State Educational Standard, information technologies in education

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Иннеса Игоревна, доцент кафедры Теории языка и методики обучения русскому языку Историко-филологического факультета.
Кандидат филологических наук.

Ведрова Татьяна Андреевна, магистрант кафедры Теории языка и методики обучения русскому языку Историко-филологического факультета.

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск).
e-mail: uchim.russkij@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Babenko Innesa Igorevna, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Methodology of teaching the Russian language of the Faculty of History and Philology.
Candidate of Philology.

Vedrova Tatyana Andreevna, Master's student of the Department of Theory of Language and Methodology teaching the Russian language of the Faculty of History and Philology.

Tomsk State Pedagogical University (Russia, Tomsk).
e-mail: uchim.russkij@yandex.ru

Черепанова Т. Б.

Копытов А. Д.

Образовательная палитра современной школы (гуманистический аспект)

В статье проанализированы образовательные тренды современной школы, ориентированные гуманистическими идеалами и получившие свое отражение в принципах, формах и методах обучения и воспитания, а также в содержании образования. На основе анализа актуальной научной литературы выделены ведущие направления развития образования, представлены нормативные требования к обеспечению образования, сделан промежуточный вывод о понимании образования как производного культуры. Установлено, что гуманистическая направленность современного образования коррелируется с достаточно новым понятием «социальное самочувствие» и ориентируется на формирование гармонически развитой личности, включая свободное развитие и саморазвитие личности и ее способностей, поиск стратегии индивидуализации самовыражения. Описаны ведущие принципы и подходы к реализации гуманистически ориентированного современного образования.

Ключевые слова: современная общеобразовательная практика, образовательные тренды, содержание образования, принципы организации образовательного пространства.

В середине XVII века великий гуманист и педагог Ян Амос Коменский сформулировал общие принципы организации образовательного пространства, которые актуальны и сегодня, системно обеспечивая функционирование каждого отдельного учреждения и единство требований, предъявляемых к образовательному пространству вне зависимости от национальной принадлежности и национальных традиций, уровня и направленности образования. Эти принципы стали по-настоящему

универсальными. При упоминании имени чешского педагога-ученого вспоминается прежде всего классно-урочная система, не претерпевшая за несколько веков практически никаких изменений, мы же обратимся к первому дидактическому принципу, сформулированному им в «Великой дидактике» – к принципу сознательности и активности. Именно этот принцип сегодня становится наиболее действенным для организации адекватной актуальным востребованиями образовательной системы.

В рамках настоящей статьи мы остановимся на некоторых аспектах, характеризующих современную российскую общеобразовательную школу. Как отметил В. К. Бацын, «Новое поколение – это сегодняшние дети. Научить их добру, как и злу, сделать мудрыми, как и глупыми, могут только взрослые. Смогут они [...] соорганизоваться, поднять его в самой доступной для демократических и гуманистических отношений в государственно-общественной сфере – сфере образования, – есть надежда...» [Бацын 2001, с. 31].

Переломным моментом в развитии российского образования часто обозначают 1990-е годы – годы, характеризующиеся активным поиском новых путей, заимствования и калькирования не всегда подходящих для российского образования форматов организации образовательного процесса и т. д. Тогда в России появилось негосударственное образование, новые типы образовательных учреждений. Характеризовать этот период развития образования сложно, выделить какие-то общие тенденции – тоже, но самое главное, на наш взгляд, именно в этот период пришло уверенное понимание сути образования, что образование – это не сумма знаний, не количество освоенных предметных областей, главное – это формирование личности, это поддержание ее уникальности, обеспечение включения механизма внутреннего развития каждого отдельного обучающегося.

Именно в этот период, на наш взгляд, были заложены современные образовательные тренды. В одной из наших работ при сравнительном исследовании понятий «образовательные тренд» и «образовательные тенденции» [Черепанова 2019], было акцентировано внимание на исследовательскую позицию Н. Мойсеюк,

которая зафиксировала совокупность направлений развития образования, определяя центральной идею развития целостной человеческой личности: гуманизация, гуманитаризация, национальная направленность образования, открытость, перенос акцента с собственно учебной деятельности педагога на продуктивную учебно-познавательную, переход от преимущественно информативных форм к методам, форм и технологий обучения с использованием элементов проблемности, научного поиска, резервов самостоятельной работы, творческая направленность образовательного процесса, непрерывность образования и ряд других [Мойсеюк 2007].

Утверждение европейского ученого педагога актуально и для рассмотрения российской образовательной палитры, что нашло свое отражение в Законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012). Текст закона определяет долгосрочные цели и задачи системы образования, фиксирует основные направления её развития и ведущие тенденции; определяет функции различных образовательных структур и элементов; права и обязанности участников образовательного процесса. Важным в области образования в данной связи выступил процесс стандартизации образования на всех уровнях с сохранением возможности уникального содержания образования, что было закреплено на уровне Федеральных государственных образовательных стандартов.

Главный смысл идеала образования – гуманистический, включающий свободное развитие и саморазвитие личности и ее способностей, поиск стратегии индивидуализации творческого самовыражения; установление равно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, другим человеком, с ценностями иной культуры; признание взаимовлияния и взаимоизменений; подготовка к практической деятельности, т. е. учащийся в рамках образовательного учреждения не готовится к жизни, а преодолевает важный этап, перетекающий в следующий этап самостоятельной взрослой (и профессиональной как ее компонент) жизни.

Функционирование образовательного пространства представляет собой довольно сложную социальную технологию,

составными элементами которой являются: формирование и реализация образовательных политик, практическая организационная работа с субъектами реформ, создание условий, необходимых для практики ее реализации.

Важным аспектом в данной связи является понимание образования как производного культуры, представляя собой её определенную проекцию, сохраняющую ведущие характеристики породившей его культуры. Следовательно, образование в целом постоянно находится в состоянии развития. При этом изменения в обществе диктуют изменения и в образовательной сфере.

Будущее образовательное общество должно стать таким обществом, где социальный институт образования станет ведущим, определяя восходящее воспроизводство человека и качество общественного интеллекта. А. И. Субетто по этому поводу справедливо отметил, что быть образовательной системой становится главной функцией любых организационных систем в обществе. Моделью образования XXI века, по мнению ученого, становится образовательное общество, в котором образование экспансируется на все сферы экономики, жизни общества: «... образовательное общество становится формой существования «цивилизации на базе общественного интеллекта», обеспечивающей устойчивость социоприродной эволюции. Интенция становления такого общества формируется в недрах синтетической цивилизационной революции. Они представлены в форме /.../ трансформации гуманистического императива /.../ по всестороннему, гармоничному, целостному, универсальному, творческому развитию человека» [Субетто 2000, с. 236].

В контексте рассмотрения означенной проблематики важным является постановка и определение аспектов гуманистической составляющей учебно-воспитательного процесса. Реализация принципов гуманизма в рамках специально организованного учебно-воспитательного процесса означает проявление общечеловеческих ценностей, при этом в понятие «общечеловеческие ценности» вкладывается два дополняющих друг друга смысла.

Во-первых, общечеловеческие ценности – это ценности, значимые не для какого-то узкого ограниченного круга людей

(социальной группы, класса), а как то, что имеет значение для всего человечества. Они в той или иной форме присущи всем социальным общностям, социальным группам, народам, хотя не у всех выражены одинаковым образом. Особенности их выражения зависят от особенностей культурно-исторического развития той или иной страны, ее религиозных традиций, типа цивилизации. Поэтому подход к образовательно-воспитательному процессу с позиций общечеловеческих ценностей означает его деидеологизацию, то есть отказ от навязывания позиций, установок, убеждений какой-то определенной социальной силы, акцент на духовно-нравственное, интеллектуальное и эстетическое развитие личности, на основе освоения ею всего культурного богатства, накопленного в истории человечества.

Во-вторых, общечеловеческие ценности – это предельные, исторически и социально нелокализуемые ценности, которые носят абсолютный характер, вечные ценности. Верующие люди осмысливают общечеловеческие ценности как имеющие божественную природу, а для атеистически воспитанных людей за общечеловеческими ценностями стоит многовековой опыт человечества, его потенциалов и устремлений.

В аспекте рассмотрения выделенной проблематики следует отметить также, что гуманизм рассматривает человеческую личность в качестве высшей ценности, отдает приоритет общечеловеческому началу, противоречит идеологии индивидуализма. Гуманизм предполагает признание данной личностью в качестве ценности личности всех других людей, не случайно под термином «гуманизм» изначально понималось «человеколюбие». Гуманистический подход требует, чтобы в качестве главной цели учебно-воспитательного процесса рассматривалось создание предпосылок для самореализации личности.

Гуманистическая ориентация образования может быть реализована только в соответствующих формах учебно-воспитательного процесса. Речь идет о гуманистической педагогике. В самом общем плане эта педагогика предполагает высокую степень индивидуализма и дифференциации обучения, акцент на пробуждение активности и инициативности обучаемого,

применение в отношениях преподавателя и студента основных принципов педагогики сотрудничества.

Гуманизм в самом общем виде можно определить как отношение человека к другому человеку как к высшей ценности. В наше время понятие гуманизма используется для обозначения образа мышления и действий человека. Гуманное отношение тесно связано с духовностью – особым состоянием внутреннего мира человека. Оно может выражаться в категориальных понятиях сочувствие, утешение, одобрение, в добрых чувствах, помыслах, интенциях, советах, но главным и определяющими критериями здесь являются соответствующие поступки, действия, труд, активное противостояние проявлениям зла, насилия, несправедливости.

В контексте данного исследования актуальной проблемой, рассмотрение которой важно в контексте системы учебно-воспитательной системы образования, выступает проблематика социального самочувствия как отдельной личности, так и различных общественных групп. Эта проблема стала предметом научных исследований сравнительно недавно и преимущественно в плане социологии. В данной связи отметим исследования ряда российских ученых, например, Н. В. Быстрова, Н. В. Клюева, Е. Б. Лактионова, Г. А. Уланова и др.

Так, Г. А. Уланова с соавторами рассматривают социальное благополучие обучающихся в контексте механизмов формирования и развития организационной культуры школы, утверждая, что одним из ключевых механизмов может выступать «признание идеи развития организационной культуры школы как целевого фактора психологического благополучия учеников или общественного блага, призванного способствовать развитию институтов гражданского общества, системы многоуровневого управления с активным привлечением в его сферу представителей общественности» [Уланова, с. 66].

Интересна позиция А. С. Тельмановой, утверждающей, что современный образовательный и воспитательный процессы ориентированы прежде всего на подготовку активной, конкурентоспособной личности, компетентной в решении жизнен-

ных, профессиональных задач, готовой к исполнению гражданских обязанностей, ответственной за собственное благополучие и благополучие своей страны, а одним из механизмов решения данной задачи она видит в создании специально организованной учебной ситуации погружения ученика в социальное и культурное погружение (ведущим элементом данной деятельности исследователь рассматривает внеурочное пространство) [Тельманова 2017].

На наш взгляд, понятие социального самочувствия имеет глубокое гуманистическое содержание, так как материальные достижения и блага, объективные показатели общественного прогресса не имеют какой-либо ценности, если не обеспечивают человеку субъективного ощущения удовлетворенности, радости, если не приносят ей положительных эмоций и не сопровождаются духовным возвышением личности. Вместе с тем, субъективную сторону не следует абсолютизировать, так как чувства удовлетворенности, ощущения внутреннего комфорта и наслаждения могут достигаться различными антигуманными способами, например, с помощью электронных устройств, психотропных препаратов и т. п. даже при очевидном объективном ухудшении социального положения людей, при их физической и духовной деградации. В таких случаях говорят о манипулировании разумом, чувствами и волей людей, когда они остаются субъектами лишь по видимости, а в действительности являются объектами, подчиняющимися чужой воле. Подлинное, вполне соответствует принципам гуманизма, благо человека возможно лишь на основе гармонии здорового состояния человека, его объективного благополучного социального положения и такого субъективного состояния внутреннего мира личности, основная доминанта которого – доброе, участливое отношение к другим людям и к окружающему.

Термин «социальное самочувствие» характеризует, прежде всего, внутренний мир личности, степень гармонии или дисгармонии интересов, соотносённость ценностных ориентаций с реалиями окружающего мира. Его содержание выявляется в таких категориях, как удовлетворенность различными сторо-

нами действительности, оценкой будущего, в положительных или отрицательных оценках и самооценках собственных способностей, а также взаимоотношений с другими людьми.

Понятие социального самочувствия по содержанию довольно близко к тому, что в философии называется «мироощущение», но характеризует не столько эмоционально-чувствительное отношение людей к миру вообще, сколько ощущение ими благополучия или неблагополучия своего внутреннего мира в зависимости от системы ценностей, определяющих характер восприятия социальной действительности. Оно может быть по своему содержанию как альтруистично-коллективистским, так и эгоистично-индивидуалистским. Поэтому категория социального самочувствия является в большей мере категорией этической, нежели социальной.

Гуманистический смысл понятия «социальное самочувствие» проявляется в тесной взаимосвязи с рядом других терминов, обозначающих различные проявления и стороны самодетерминации активной творческой личности. Подлинное (не иллюзорное) благополучие внутреннего, то есть объективного мира человека может обретаться более полно и разносторонне посредством развития личности, непрерывного роста ее духовного богатства и раскрытия творческого потенциала. Этот процесс принято описывать в таких понятиях как «самореализация», «самоутверждение», «самоактуализация» и т. п. В контексте современных психолого-педагогических задач ключевое значение приобретают понятия самоконтроля, самовоспитания и особенно самоопределения, концентрированно выражающего суть специфики гуманистической педагогики, ставящей акцент на личность ученика как главного субъекта образовательного процесса, на учет его субъективных особенностей, интересов и наиболее полное развертывание возможностей развития.

Успешное решение столь сложных и многогранных задач невозможно без учета особенностей внутреннего мира учащегося их установок, ценностей, определяющих их субъективные отношения к другим людям и реалиям объективного мира, то есть, без учета феноменов, отражаемых в понятии «социальное

самочувствие». Отсюда следует вывод о необходимости хорошо ориентироваться в социальной ситуации в данном городе, регионе, в стране и мире, для чего уметь взаимодействовать со специалистами разных областей знаний, наиболее полно владеть аналитической и информационной картиной окружающей действительности, обладать прогностическими способностями.

Итак, современное образование есть непрерывная в своем основании (движении) система, постоянно взаимодействующая с другими системными составляющими социума. Вместе с тем само образование также является не только системообразующим, но и имеющим ряд своих внутренних, присущих только ему составляющих. Современная российская школа отошла от догматизма, от диктата знаниевых цензов, когда за основной (и чуть ли не единственной) целью определялось усвоение учениками суммы знаний, умений и навыков основных дисциплин, а воспитательная работа, признаваясь второстепенной, находилась в роли придатка.

Сегодня приоритетом образовательной политики является свободное развитие личности, то есть школа – это не только место для усвоения основ знаний, накопленных человечеством, а прежде всего средство развития целостной личности. Один из вариантов современного видения школьного образовательного пространства включает в себя следующие области: собственно учебная деятельность, воспитательная работа, сфера дополнительных образовательных услуг посредством организации внеучебных мероприятий, факультативов и т. д. как в конкретном учебном заведении, так и посредством организации сотрудничества с другими образовательными учреждениями и социальными партнерами.

Уже упоминавшийся нами выше В. К. Бацын, рассуждает: «Избрав курс на индивидуализацию, Стандарт включил в себя необходимую «норму степени свободы» учеников (и, следовательно, их учителей). Это – и школьная основная образовательная программа, создаваемая (в идеале) соединенными силами педагогического, родительского и подросткового сообщества, и индивидуальные образовательные программы самих стар-

шекласников. Именно в таком (и только в таком) открытом «самодетельном» образовательном пространстве детский (а вместе с ним и учительский) интеллект получает условия для саморазвития» [Бацын 2017].

Процесс обучения в общепринятом в образовательной практике понятии представляет собой двусторонний процесс, в котором деятельность учителя и учащегося есть взаимодействие процессов преподавания и научения; это процесс содействия, со-дополнения; соответственно, процесс обучения можно считать современным, когда мастерство педагога приводит к реализации ученика как активного участника и субъекта образовательного процесса.

Согласно определению, данному классиком российской педагогики В. А. Славенским, воспитание рассматривается как социальное взаимодействие, развивающиеся отношения участников образовательного процесса, обеспечивая единство сознания, действия и общения. Именно через систему специально организованных воспитательных действий формируется личность [см., напр.: Славенский 1997]. В связи с этим особо важным становится необходимость определения учеником при помощи педагога своего оптимального уровня личностной реализации. И в данном контексте школа действует как центр и часть социально-педагогического комплекса. Органичное соединение процессов обучения и воспитания позволяет образовательному учреждению дать учащемуся средства для обретения самого себя, для создания условий, при которых возможно развитие заложенных данных, индивидуальных особенностей, учитывая при этом специфику конкретного образовательного учреждения.

По прежнему актуальным остается и концептуальное утверждение Э. Д. Днепровой, что «содержание школьного образования – это неразрывное, органическое единство двух компонентов – ориентирующего в культуре и творческо-деятельностного. Оно представляет собой своеобразный «музей» истории человеческой культуры, ... «экспонаты» которого призваны создать у молодежи целостное теоретическое представление об окружающем мире, и «мастерскую», в которой моло-

дые поколения учатся добывать знания, необходимые им для практической деятельности, и применять эти знания при решении жизненных проблем» [Четвертая...1994, с.160].

Таким образом, смысл современного образования заключается в том, чтобы ввести ученика в мир развития, в образовательную среду с ее духовностью, нравственной и культурной реальностью, помочь сформироваться как личности в соответствии с его склонностями, задатками и возможностями, а для этого необходимо создать благоприятные образовательные условия.

Принимая точку зрения Л. М. Фридмана [см., напр.: Фридман 1997], считаем, что в современных условиях формирование личности ученика как творчески активного и социально зрелого человека должно получить приоритет перед обучением, рассматривая такое обучение и развитие как сторону, как составную часть и важнейшее средство формирования личности. В таком фокусе культура выпускника как его идеальный образ – это отражение общечеловеческой культуры, культуры интеллектуальной, творческой и трудовой деятельности, культура сознания и мышления, культура самодисциплины, коммуникативная культура, высокая требовательность к себе, сформированность представлений о ценностях и уровне достижений мирового сообщества в целом и своей страны, народа – в частности.

Данные позиции ориентируют и педагогов на приобщение обучающихся к системе культурных ценностей, отражающих богатство общечеловеческой культуры; на выявление и развитие уникальных личностных задатков и творческого потенциала каждого обучающегося, на реализацию их склонностей и способностей в разнообразных сферах деятельности и общения, формирование общечеловеческих норм гуманистической морали, развитие внутренней свободы, способностей к объективной самооценке и самореализации поведения.

Обратим внимание на то как именно данные форматы реализуются в современной российской образовательной практике. Важным в данной связи считаем удержание общей образовательной стратегии развития системы образования посредством в том числе федеральными государственными образователь-

ными стандартами и системой контроля и оценивания (в числе данных мероприятий Всероссийские проверочные работы, основной и единый государственные экзамены), вместе в тем каждое образовательное учреждение, кроме стандарта имеет право на реализацию уникального образовательного содержания – выбрать углубленное гуманитарное, физико-математическое, лингвистическое или другое направление. Такой подход позволяет разрабатывать и внедрять образовательные технологии, максимально реализовывать вариативность образования (в том числе посредством индивидуальных образовательных планов обучения). Исходя из того, что личность не формируется по частным компонентам и существует единый и неделимый процесс его формирования как целого, образовательный процесс представляет собой организованную жизнедеятельность учащихся, формирующую интеллектуально-нравственную свободу и реализующую в единстве все компоненты содержания образования (знания, умения, опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностные отношения к окружающей действительности). Вхождение учащегося в целостный образовательный процесс, где он является субъектом деятельности, позволяет обеспечить комфортные условия для самореализации, самоконтроля и саморазвития.

Реализация гуманистических принципов в образовательном и воспитательном процессах рассматривается как систем специально организованных мер, направленных на фокусное развитие элементов содержания образования, а также отбор технологий обучения и воспитания, ориентированных на развитие и совершенствование личности обучающихся. Структурно-логическими принципами реализации гуманистической направленности образования и воспитания выступают непрерывность и внутренняя целостность всех образовательных областей, отбор методов, приемов и элементов содержания всех образовательных областей, возрастание роли дисциплин гуманитарной направленности, системная ориентация на личность обучающегося и создание коммуникативного пространства. Таким образом гуманизация образования и воспитания может

рассматриваться не столько как изменение содержания образования, а как развитие мышления и деятельности, ориентированное на принятие личностью обучающегося как главной ценности и высшего смысла уважение свободы и значимости каждой личности.

Обратим внимание, что в гуманистически ориентированной образовательной политике значительное внимание уделяется субъект-субъектным отношениям между участниками образовательного процесса, вариативности содержания, созданию коммуникативной образовательной среды через специальное создание учебных ситуаций, также системе оценки знаний (она органично расширяется системой диагностирования учебной успешности, системой аудита и самоаудита, дополняя стандартизированную систему балльного оценивания) – все это отражает полисубъектную сущность образовательного пространства.

Участник проекта ЮНЕСКО “Futures of Education” Грег Кулос написал: «Я пришел к пониманию, что эффективное образование – это очень просто: необходимо поощрять и вдохновлять на продуктивное общение, что позволит развить собственное внутреннее Я и развить собственный потенциал. Это позволяет достичь личного успеха, а значит, успеха общества...» [Перевод наш. – Т. Ч., А. К.] [Кулос 2019, с. 22].

Итак, образовательная палитра современной школы, полагаем, ориентирована гуманистическим аспектом, диктующим и коррекцию содержания образования, и отбор форм и методов обучения и воспитания, позволяя достичь главной цели образования – воспитать человека будущего.

Библиография

- Бацын В. К., «Народ безмолвствует» или Гражданское общество в России как культурно-образовательная инициатива, “Управление школой” 2001, № 19
- Черепанова Т. Б., Тренды и тенденции современной образовательной практики, “Гуманитарные исследования” 2019, № 2 (23).
- Мойсеюк Н. Е., Педагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, 5-е изд., доп. и перераб., Киев 2007.

- Субетто А. И., *Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы, прогнозы (опыт мониторинга)*, Москва, Санкт-Петербург 2000.
- Уланова Г. А., Ключева Н. В., Назарова И. Г., *Социально-психологическое и организационно-управленческое сопровождение психологического благополучия обучающихся школ*, "Вестник КГУ: Педагогика.. психология. Социология" 2019, № 3.
- Тельманова А. С., *Социальное, культурное и духовное во внеурочной деятельности современной образовательной организации*, "Азимут научных исследований: педагогика и психология" 2017, т. 6, № 2 (19).
- Бацын В., *ФГОСы из будущего*, https://vogazeta.ru/articles/2017/8/30/quality_of_education/4-fgosity_iz_buduschego [дата обращения: 13.07.2020].
- Сластённ В. А., Подымова Л. С., *Педагогика: Инновационная деятельность*, Москва 1997.
- Четвертая школьная реформа в России*, Москва 1994.
- Фридман Л. М., *Психопедагогика общего образования. Пособие для студентов и учителей*, Москва 1997.
- Кулос Г., *Размышления о будущем образования*, [в:] *STATEMENT ON THE FUTURE OF EDUCATION (Будущее образования): Сборник эссе по глобальному образованию в рамках проекта ЮНЕСКО «Futures of Education»*, Москва 2019.

Educational palette of the modern school (humanistic aspect)

The article analyzes the educational trends of modern schools, oriented by humanistic ideals and reflected in the principles, forms and methods of teaching and upbringing, as well as in the content of education. Based on the analysis of current scientific literature, the leading directions of education development are identified, regulatory requirements for providing education are presented, and an intermediate conclusion is made about the understanding of education as a derivative of culture. It is established that a humanistic orientation of modern education is correlated with relatively new concept "social health" and focuses on the formation of harmoniously developed personality, including free development and self-development of personality and its abilities, the search strategy of individualization of expression. The article describes the leading principles and approaches to the implementation of humanistic-oriented modern education.

Key words: modern General education practice, educational trends, content of education, principles of organization of educational space.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Черепанова Тамара Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Историко-филологического факультета

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск)

Сфера научных интересов: развитие образовательных систем, прогнозирование и проектирование в образовательном пространстве, методика обучения

Копытов Анатолий Дмитриевич, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник,

Томский государственный педагогический университет (Россия, Томск)

Сфера научных интересов: развитие образовательных систем, актуальные проблемы общего и профессионального образования

e-mail: tb100@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Cherepanova Tamara, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of language theory and methods of teaching Russian at the faculty of History and Philology

Tomsk state pedagogical University (Russia, Tomsk)

Research interests: development of educational systems, forecasting and design in the educational space, teaching methods

Kopytov Anatoly, corresponding member of RAO, doctor of pedagogical Sciences, Professor, chief researcher,

Tomsk state pedagogical University (Russia, Tomsk)

Research interests: development of educational systems, current problems of General and professional education

e-mail: tb100@yandex.ru

